

*Бабушке Оле, дедушке Саше и подруге Лене.
Попыталась обхитрить смерть, и оживить вас в строчках и памяти. Скучаю*

Лето 97-го

*... You and me, we used to be together
Every day together, always
I really feel that I'm losin' my best friend
I can't believe this could be the end
It looks as though you're lettin' go
And if it's real, well, I don't want to know.
... Don't speak, I know just what you're sayin'
So please stop explainin'
Don't tell me 'cause it hurts
Don't speak, I know what you're thinkin'
I don't need your reasons
Don't tell me 'cause it hurts*

***Don't Speak
No Doubt***

Каникулы

Папа разбудил нас рано утром, он любил выезжать до рассвета, надеясь проскочить очередь на паром. Как-то раз нам пришлось ждать почти пять часов. Но если честно, очередь меня не заботила, ожидание не казалось мучительным, скорее – приятная возможность провести время на берегу реки. Можно кормить чаек, а если смотреть на Каму в сторону ее течения, в месте, где она впадает в Волгу, то до самого горизонта перед тобой лишь вода, и никаких берегов. Именно там хорошо мечтать о море, которое я никогда не видела. Я зачаровано стою на краю земли, над головой кричат птицы, влажный теплый ветер треплет волосы, ласковый шум прибоя убаюкивает. Вот моё почти настоящее Поволжское море. С мыслями о лете мы запахали пакеты в багажник и уселись в автомобиль.

Малиновая девяносто девятая, спешно выезжала из серого города. Я прощалась с бетонными домами-великанами. Длинные уродливые девяти подъездные девятиэтажки выстроились стенками дворов-коробок, и с грустью в оконных бликах провожали узников столицы. Прощайте угрюмые стражи! Лето! Свобода! Каникулы! В приоткрытое окно я с жадностью вдыхала запах летнего города, аромат пыли, расплавленного асфальта. Улицы, светофоры, остановки проносятся мимо. Здание ДРКБ осталось позади, и наша легковушка помчалась по трассе «Казань»–«Сорочьи горы» под прошлогодние хиты сборника «Союз

17», ведь магнитофон и все кассеты с любимыми песнями я уже сложила в пакет, чтобы не забыть случайно в магнитоле и наслаждаться в деревне всё лето.

*Лето нам дарит в подарок
Много дней и ночей.
Нежно вздыхают гитары,
Снова влюбленные пары
Бродят по улице юности моей.*

За окном пролетают поля, леса, разрушенные церквушки и заброшенные деревни. Нежный голос Овсиенко из колонок напевает, успевшую надоеть, песенку:

*Школьная пора и при всякой погоде
Пропадали пропадом мы во дворах,
Через года слышу мамин я голос,
Значит мне домой возвращаться пора.
В ящик брошены книжки,
Не до них мне опять,
ждет у подъезда мальчишка,
может я смелая слишком,
Что разрешила себя поцеловать.*

Таня Овсиенко молодец, смелая слишком. А я увы нет...

Не смелая

Я обожаю балет! Моя мама работает учителем начальных классов и каждый раз, когда кто-то из её класса заболевает, чтобы не пропал билет, она берёт меня с собой. Театр оперы и балета имени Мусы Джалиля – величественное здание в центре города, с колоннами и фресками построили немецкие военнопленные. Этот факт добавляет главному дворцу искусства Казани особый шарм, терпкую горечь великой «победы».

Сидя в зале, ожидая начала представления, я с восторгом рассматриваю огромную хрустальную люстру, фреску на потолке и стенах, балконы, алый бархат невероятно огромных кулис. Наконец, оркестровая яма заполняется музыкантами, голоса зрителей, смешавшиеся в монотонный гул осинового улья, приглушённо шипят. Из коридоров доносится третий звонок, двери закрываются, свет в зале гаснет, человеческий улей смолкает. Дирижер взмахивает палочкой, гремит музыка и кулисы открываются. Я не читаю программки, я понимаю язык тела и мне понятен сюжет. Разве может быть что-то прекраснее балета? Не думаю.

Я мечтала стать балериной, но никогда не решалась спросить родителей. Мама родила меня в девятнадцать, и оканчивала университет уже заочно, работая в школе и воспитывая нас с сестрой. Я помню, как папа катал нас с Лизой на спине, а мама сидела за столом в центре комнаты и готовилась к экзамену. «Тихо! Тихо! Не мешайте маме!» – шептал папа. Папа тоже работал и учился, правда контрольные по высшей математике за него решал наш сосед с четвёртого этажа дядя Серёжа. Когда мне было пять лет папа брал меня на экзамен по экономике в финансовый институт. Я считала ступеньки, казалось, они никогда не закончатся, а папа торопил, умолял, чтобы я поскорее поднималась, ведь он опаздывает. А потом в широкой аудитории с высокими потолками я улыбалась милому старичку профессору.

Родители иногда не успевали вовремя забрать нас из детского сада, находили нас спящих в коморке охранника. И с тех пор я и сестра усвоили негласное правило нашей семьи: нужно доставлять меньше хлопот, родители очень заняты. Вот и про балет я ничего не сказала. Но однажды, я тогда училась во втором классе, к нам в школу пришел худощавый мужчина в натёртых до блеска туфлях с острым носом. Он приглашал всех желающих на бальные танцы в ДК Маяковского после уроков по вторникам и четвергам. Я ничего не знала про бальные танцы, я подумала, что это балет и в тот же вечер после школы мы с моей одноклассницей Машей отправились на первую тренировку.

В небольшом зале приятно пахло старым сухим деревом, свежей побелкой и несбывшейся мечтой о коммунизме. Натертый воском, потрескавшейся паркет скромно поблескивал в тусклом свете трёх последних не перегоревших ламп, выстроившись рядами стояли девочки вторых, третьих классов со всех окрестных школ. Я в новеньких фиолетовых лосинах, в длинной футболке с черным маминым поясом-резинкой на талии, в коричневых чешках встала за колонной, чтобы не мозолить глаза тренеру. Я его сразу узнала, это он приходил к нам в школу. Владислав Сергеевич невысокий, подтянутый мужчина, с гибкими руками, громким голосом. Волосы у него были русые, глаза голубые, он приходил на тренировки в ситцевом сером костюме и водолазке, как у Высоцкого. Его бальные туфли с невысоким каблучком скользили по паркету, когда он показывал нам основные движения вальса. «Квадрат! Раз, два, три! Раз, два, три!» – эхом разлетался его напевный голос. Мне показалось, что он чем-то похож на Есенина. Было в нём едва уловимое сочетание высокого, прекрасного с земным и бунтарским. Бальные танцы я полюбила всей душой, а непослушному телу приходилось учиться их любить. Я была жутко неуклюжая, сутулилась, спотыкалась, мои острые, широкие плечи, выпирающие локти и совершенно не пластичная спина упрямо не хотели повиноваться. Владислав Сергеевич сразу выделил меня из толпы, он швырнул ботинок и прокричал: «Коряга!». К счастью, ботинок пролетев в паре метров от меня, ударился об батарею. Мысленно я простила тренера, в моем представлении Есенин поступил бы так же, что с них взять бунтарей? (Но за ботинком пусть сам скачет на одной ноге, я и не подумаю приносить. Эх, Машка отнесла.) Поэт, между прочим, был женат на

американской танцовщице Айседоре Дункан. Может я не коряга, а новатор в танцах! А после просмотра австралийского фильма про бальные танцы «Только в танцзале», представляя себя главной героиней дурнушкой Фрэн, я осознала, что главное ритм, а остальному можно научиться.

В бальных танцах две программы: Европейский стандарт – квикстеп, фокстрот, медленный и венский вальсы, танго. И латина (латиноамериканская программа) – пять зажигательных танцев: самба, румба, ча-ча-ча, джайв и пасодобль.

Спустя пару месяцев, когда нужно было оплатить небольшой взнос, я рассказала папе, что хожу на кружок после школы. Зимой темнело рано, и он пришёл меня встретить после занятий, и заодно посмотреть. Папа осторожно протиснулся сквозь толпу родителей у двери и устроился в углу зала, не снимая дублёнки и меховой шапки, с растроганным выражением лица, завороченно следил за каждым моим движением. Под его пристальным взглядом я выпрямила спину, выгнула грудь вперёд, как только могла, от усердия мои позвонки тихо хрустнули, я сжимала и разжимала диафрагму, и размахивала руками, погрузившись в образ, вжилась в танец, и скорее всего от переизбытка чувств «потеряла» музыку. Владислав Сергеевич Загшевский (увы, не Есенин) ловко двигался между кружащимися детьми и перекрикивал магнитофон: «Слушайте музыку! Музыку! Раз, два, три, ча-ча-ча! Раз, два, три, ча-ча-ча!»

Занятие закончилось, мы с Машкой подошли к подоконникам, взять пакеты с уличной обувью и верхнюю одежду. Папа направился к тренеру и о чём-то с ним говорил. Владислав Сергеевич расплылся в улыбке, развел руки в стороны, ладонями вверх, театрально кивнул головой, что прядь его русых волос скользнула на моложавое лицо, вот-вот прочтет «Белая берёза...». Из внутреннего нагрудного кармана папа достал бумажник, выхватив зелёную купюру с американским президентом, протянул тренеру. Владислав Сергеевич взял деньги и крепко пожал папе руку. Мы шли домой через мост над железной дорогой, потом прошли двадцать девятую школу, по улице Аделя Кутуя с пятиэтажками и кафе «Сирень». Папа оживлённо рассказывал, как он рад, что я танцую. У него появилась мечта на моей свадьбе станцевать со мной танго. Я подумала, что тогда ему тоже надо ходить на тренировки, но не сказала вслух. Я знаю, папа много работает, часто уезжает в командировки, ему некогда.

Уже на следующем занятии Владислав Сергеевич подвел ко мне темноволосого мальчика, с впалыми круглыми глазами, кожа вокруг них была темнее, отчего вид его показался мне усталым. «Вот, смотри! Зверь, а не партнёрша!» – указал на меня тренер. Растерявшись, я споткнулась. Наверное, именно тогда, семя феминизма – «Тамара! Ты же девочка», запущенное в разум матерью, встрепенулось и пустило первый робкий росток. Мальчик, сконфуженно улыбнулся, и кивнул. «Отлично! Тамара, вставай в пару с Димой! Это твой партнёр! Молодец, Дима! Прекрасный выбор.» – тренер одобрительно похлопал по плечу мальчика.

«Я до этого с Диной танцевал,» – буркнул партнёр, – «Но у неё уши большие!» Я глубоко возмутилась, что какой-то невзрачный мальчишка, которого мама притащила на танцы, других там я пока ещё не встречала, ходит выбирает девочек по ушам?! Но также я понимала, что партера «подогнали», потому что папа стал спонсором танцевального клуба. Задумавшись, кто же кого использует, как устроен этот мир, я молча пыталась двигаться в паре. Получалось не очень, Димка оказался вялой ватрушкой, приходилось вести в паре самой, и это было не просто. Мы стали брать платные индивидуальные занятия, и дела пошли лучше. Машка, оставшись без партнёра, вскоре бросила танцы и рассказала мне, кто такие альфонсы. Спустя ещё пару месяцев нас перевели из общих занятий в основную группу, где тренировались конкурсные пары, сшили костюмы и стали выступать на соревнованиях. Всю весну 93-го мы ездили по городам Поволжья и Урала на конкурсы, на российских мы проходили в финал, попадая в семерку лучших пар. На региональных занимали призовые места. Это было волшебно. Я чувствовала себя сказочной принцессой, танцующей на балу. Владислав Сергеевич оправдал мои подозрения, и имел больше схожестей с Есениным, чем я предполагала при нашей первой встрече. На выездных конкурсах он часто судил, а после соревнований, когда мы отправлялись с ребятами и дежурными родителями в гостиницу, тренер задерживался на банкетах. Утром от него жутко несло перегаром, а идеально вычищенные туфли, были надеты на босые ноги. Вскоре мама партнёра, недовольная поведением тренера, надавила на родителей, чтобы мы перешли в другой клуб к бывшей партнерше Загшевского – Светлане Валентиновне. Она занималась с детьми в бывшем дворце пионеров на Левобулачной улице в самом центре города. Зал поразил меня величиной, высокие потолки, красивые огромные арочные окна с видом на закованную в серый бетон реку – Булак, на стене висели зеркала, а перед ними хореографический станок, лак на паркете без единой царапины ослеплял бликами. «Это Тамара и Дима, они танцевали Владислава Сергеевича» – представила нас Светлана Валентиновна. Правда, все выездные пары хорошо знали друг друга, вот уже три года мы ездили по одним и тем же маршрутам, в одних и тех же поездах, нам казанским выделяли одну гримерку. Не ускользало от нас и то, что Светлана Валентиновна и Загшевский не могут терпеть друг друга, а представить их в паре было невозможно, украдкой я напрягала фантазию до предела и представляла их танцующими танго – танец страсти, зародившийся в портовых городах Аргентины.

«Добро пожаловать в наш коллектив!» – легкое эхо подхватило голос Светланы Валентиновны. Вспомнился грустный взгляд Владислава Сергеевича, когда мы сказали, что уходим. На Диму он не смотрел, вся печаль легла на моё сердце, ведь именно в мою сторону чаще летели его ботинки и крики. Потому что учителя и тренера любят тех, кому отдали больше времени и сил, двоечники, получившие пятерку и коряги, занявшие второе место на республиканском конкурсе, дороже им отличников и одаренных талантов. Наверное.

Отрывки Есенин «письмо к женщине»

...

Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел —
Катиться дальше, вниз.

...

Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму —
Куда несет нас рок событий.

...

Земля — корабль!
Но кто-то вдруг
За новой жизнью, новой славой
В прямую гущу бурь и вьюг
Ее направил величаво.

Ну кто ж из нас на палубе большой
Не падал, не блевал и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.

Тогда и я,
Под дикий шум,
Но зрело знающий работу,
Спустился в корабельный трюм,
Чтоб не смотреть людскую рвоту.

Тот трюм был —
Русским кабаком.
И я склонился над стаканом,
Чтоб, не страдая ни о ком,

*Себя сгубить
В угаре пьяном.*

...

*Живите так,
Как вас ведет звезда,
Под кущей обновленной сени.
С приветствием,
Вас помнящий всегда
Знакомый ваш
Сергей Есенин.
1924г*

Но довольно скоро я оценила, как многому можно научиться у тренера женщины, я наслаждалась грацией и пластичностью Слантиновны (сокращенно так её все называли) ежеминутно. Мы сдружились с ребятами, и время побежало.

Пару недель назад мы собрались дома у Серёжки, Лилькиного партнёра, отметить окончание сезона, никогда не знаешь, каким составом встретимся осенью. Мальчишки в подростковом возрасте активно бросают бальные танцы, вон даже Вовка Пугачёв бросил, а казалось, смуглый, харизматичный, гибкий, подвижный, с бёдрами на шарнирах, будто родился он не под Казанью, а под жарким солнцем латинской Америки.

Старшие выпили по бокалу вина, расшумелись, болтали, смеялись. И вдруг я оказалась в комнате с Данькой. Даня – любимчик Слантиновны, лучший танцор и душа компании, и даже актер казанского ТЮЗА. Иногда я представляю, что Данко из рассказа Горького и есть наш Даня, и, если понадобится он вырвет из груди своё яркосветящееся сердце и выведет нас из мрака. Как-то раз Нади (Даниной партнёрши) не было и Слантиновна поставила меня с Даней в пару, он вел уверенно, и я поразилась, сколько в таком щуплом юноше силы. Кажется, до сих пор мои кисти помнят его тонкую руку. Ах, Даня!

Я листала книгу на диване, он внезапно подсел ко мне и спросил: «Можно тебя поцеловать?» Я подумала, что ослышалась, но заглянув в его огромные карие глаза, растерялась и замотала головой, как будто скажи хоть слово, открой рот и всё, мой первый поцелуй случится. Мысли неслись, как бешенные: я не могу ему нравиться, разве так происходя первые поцелуи, у нас не было свидания, мы даже не пара, да и целоваться я не умею, а вдруг ему не понравится? «Завтра я уезжаю в Питер, поступил в театральный!» – сказал он спокойно без тени хвастовства, с затаившейся глухой грустью. «В Питер? Удачи!» – я уже горько жалела, что отказалась от поцелуя, и в тот момент решила, что я тоже обязательно поеду в Санкт-Петербург.

Отрывок «Данко» Максим Горький.

Данко — один из тех людей, молодой красавец. Красивые — всегда смелы. И вот он говорит им, своим товарищам:

— Не своротить камня с пути думою. Кто ничего не делает, с тем ничего не станется. Что мы тратим силы на думу да тоску? Вставайте, пойдем в лес и пройдем его сквозь, ведь имеет же он конец — все на свете имеет конец! Идемте! Ну! Гей!..

Посмотрели на него и увидали, что он лучший из всех, потому что в очах его светилось много силы и живого огня.

— Веди ты нас! — сказали они.

Тогда он повел...

Деревня

Сорочьи горы — маленькая уютная деревушка на холме, аккуратные домики расположились с двух сторон главной улицы, на которой до самой переправы выстраивалась очередь автомобилей и автобусов. Мимо проходили местные, приветливо скалились в открытие окна, предлагали путникам пирожки, сушенную рыбу и молоко в трехлитровых банках или самодельный квас. «Не, не надо! Спасибо!» - отмахивался от них, как от назойливой мошкары папа. «А с чем пирожки?» — спросила, зевая, только что проснувшаяся Лиза. «С тухлятиной!» — проворчала мама. «Ты что не знаешь, на дороге нормальное не продают. А если и свежее, то пока продавец ходит, на жаре всё быстро портится. Отравишься только, потом два дня живот болеть будет. Держите бутерброд с колбасой, я из дома взяла», — и мама протянула нам два куса булки с вареной колбасой. «А что наша колбаса на жаре не стухла?» — подозрительно принялась я к колбасе. «Не умничай!» — мама схватилась за голову, как будто мои высказывания вызывают у неё мигрень. «Мам, вы только сразу телеграмму отправьте, пожалуйста, как списки вывесят!» — напомнила я, жуя подсохший кусок булки, тонкий кусок колбасы растаял, едва коснувшись языка. «Да, помню, я! Сколько уже можно повторять. Ты кто? Человек или попугай?!» «Человек. Это архи важно! Я очень хочу поступить в лицей. Там такой конкурс, проходной бал высокий, у меня 8,8 из 10. Нет гарантий, только надежда!» «Я знаю!» Очередь тронулась, папа завел мотор, прибавил автомагнитолу. Бархатный голос Вахтанга Кикабидзе с харизматичным грузинским акцентом заполнил салон:

*В ночную форточку окна,
Пускай летит колечко дыма.
Необходима тишина.
Мне тишина необходима.*

Переправа на пароме через Каму занимала полчаса. Мы с Лизкой скормили ловким чайкам целый батон, который везли в гостинец деду. Он не обрадуется, конечно, придется промолчать, что батонов было два. В деревню раньше привозили хлеб из пекарни, утром к магазину за свежими буханками прибегала вся деревня, в очереди, люди делились новостями и сплетнями, но потом хлеб привозить перестали. «90-е, союз распался. Вместо колхозов фермерские кооперативы у нас. И как жить?» – вздыхала бабушка. Люди, закупали муку и дрожжи выпекали хлеб сами, а батон стал настоящим лакомством, которое привозили только из города. Ещё в деревню мы всегда берём колбасу, чай, растворимый кофе и коробки конфет. Конфеты в деревенском магазине только развесные, и не знаю, сколько они уже там лежат, с брежневского запоя, ой, застоя, наверное. Ещё мы взяли пару рулонов туалетной бумаги нижекамского комбината, она чуть мягче наждачки, но лучше дедовских газет. Больше всего летом я скучаю по мороженому, его в деревне не достать. Однажды мы с Лизкой пытались сделать мороженное сами: собрали сливки с молока, посластили и поставили в морозилку. Вышло, честно говоря, не совсем то, что мы планировали. Но это нас несколько не расстраивало. Во-первых, лето, деревня – это свобода! Это друзья! Это природа! И босые грязные пятки! Конечно, мы много помогали бабушке с дедушкой: окучивали картошку, собирали жуков, поливали капусту, огурцы, помидоры в огороде, пололи грядки со свеклой и морковью, а время сенокоса, это вообще пахота, невольно вспоминается заставка сериала «Рабыня Изаура». Но после Петрова дня и до яблочного спаса работы мало, и это самая прекрасная пора. Можно набрать книг в библиотеке и читать с утра до вечера на сеновале или на лавке, грызя калённые семечки.

Выехав с парома, папа привычно вслух подметил: «В обратную сторону паром пустой пойдет». Мы полетели по холмам, тут рельеф заметно меняется, он уже не такой плоский, чувствуется близость Уральских гор. Папа учил меня включать на нейтральную передачу, когда едешь вниз холма. Так бензин экономишь. Я внимательно слушала, очень хочется поскорее водить машину. А когда машина поднимается, кажется, вот-вот коснёшься неба и взлетишь, но дорога подхватывает тебя и несёт дальше. С каждым километром сердце начинает биться чаще, вот я увижу любимых подруг, с которыми встречаемся только три месяца в году, с которыми дружим, сколько себя помню, но судя по фоткам лет с пяти, с которыми редко ссоримся, потому что лето короткое, и будем потом жалеть. Они такие разные и с ними так весело, мои Ленка и Дашка. Как только поздороваюсь с бабушкой и дедушкой, разгрузю вещи, я спрашиваю бабушку: «Тут ли Ленка?». Даша деревенская, а вот Лена из Димитровграда, она тоже, как и я, приезжает к

бабушке. И я бегу к ним. Иногда, деревенские новости доносятся до подруг быстрее, и они сами торопятся к желтому домику с голубой крышей моих старичков.

Дед у нас худощавый, невысокий, с впалыми щеками и смоляными волосами, несмотря на свой возраст, без седины. Светлый приветливый взгляд всегда улыбающихся голубых глаз, ровные зубы вставной челюсти, кепка Гавроша и пастушьья сумка с длинным ремнем через плечо. Однажды я услышала, как родители обсуждали подарок деду на день рождения. Мама была против, как обычно, дарить деду одеколон «Саша», якобы бабушка пожаловалась, что дед в прошлый раз выпил почти полный флакон. Ничего себе! Мой дед фокусник, не хуже Копперфильда. Я попыталась попробовать одеколон, он оказался редкостной гадостью, невозможно горьким и жутко отвратительным. Только недавно, я поняла, как деду удастся этот смертельный трюк. Секрет моего деда в магическом слове «мухмыр» (запой по-чувашски), когда все, что содержит алкоголь идет вход. Но запой в деревне обычно после сенокоса или зимой, а когда работы много пить некогда. Так что в первые дни лета дед трезвый, с озорной улыбкой, всегда нам дарит самодельные свистульки из дерева. И я воображаю, что это волшебная дудочка, и когда я дую в неё звери и птицы меня понимают.

Бабушка мягкая и кругленькая, невысокая, теплая и улыбчивая, набожная и трудолюбивая. Пока дед ходит на перекуры, а Лизка пьет чай и часами моет за собой чашку, мы с бабушкой на пару можем окучить полполя картошки. Она делает вид, что дед главный в семье и строгий, и даже жаловалась, что дед по пьяни как-то её ударил. Я жутко возмутилась и спросила: «Бабуль, ты же такая сильная, а дед стручок, толкнула бы!» А она: «Нельзя, он же мой муж! Кто же уважать его будет?» Вот тогда, я остро ощутила себя феминисткой. При нас дед ни разу и не пытался её обидеть. Пьяный, он в гневе материл Божью мать и всяких святых, отчего бабушка впадала в ужас, и начинала молиться, чтобы земля под дедом не разверзлась, и сию же минуту не провалился в ад или молния не ударила бы в лоб богохульника. Она выглядела такой испуганной и растерянной, похоже проклятья деда были страшнее его символических побоев.

Мы свернули с асфальтной дороги на грунтовую, теперь последние пятнадцать километров пути на историческую родину, нас будет трясти и укачивать. За машиной поднялось облако пушистой пыли, вокруг поля и небесная лазурь. Пульс участился. Лето начинается только тут на самом краю мира, где кончаются все дороги, даже грунтовые.

Встреча

Как только мы въехали в деревню, папа открыл окна малиновой девяносто девятой модели жигулей и прибавил звук до максимума, чтобы голос Ларисы Черников оповестил всех жителей и гостей Чув. Бурнаево о нашем приезде.

*Мне бы долететь до горизонта,
Мне бы песни петь небу и солнцу,
Но уже давно на душе пусто.
Было нам смешно, а теперь грустно.
Да ты не смейся, не смейся,
Проще говоря, проще говоря.
Да ты не смейся, не смейся,
Проще говоря, мне очень жаль тебя.*

Бабушкин дом на задней улице, нужно было непременно проехать по главной, такова традиция пояснил папа, и якобы дорога там лучше. Мне громкое появление казалось «дешевым понтом». Папа спорил, уведомить о прибытии, это как поздороваться. Таким способом все узнают, кто из городских сейчас в селе. А однажды якобы он приехал, а бабушка уже на крыльце стоит встречает, потому что слухи в Чув.Бурнаево передвигаются быстрее, чем автомобили. Я, конечно, возразила, что она вышла из-за музыки, которая орёт из колонок на 20 километров вокруг. Но папу было не переубедить. Мы проехали клуб, старый магазин, овраг и поворот на заднюю улицу. Родной старый домик с голубой крышей приветливо встречал нас распахнутой калиткой. Бабушкино круглощёкое лицо мелькнуло в окошке. А дед с самокруткой во рту, уже открывал ворота, чтобы припарковать машину во дворе.

Мы вылезли из машины и сразу оказались в крепких объятиях стариков. «Как же выросли за год, девочки мои!» – радовалась бабушка, громко целуя в щеки. «Как же вы уменьшились!» – подумала я, глядя вниз, бабушка была ниже моего плеча, даже Лиза уже её выше.

Дед встретил нас включенными волосами, решил пошутить: «О! Титюшки выросли!» – ткнул пальцем в мою едва заметную грудь. «Дед!» – рассердилась я, и он одарил меня обезоруживающей беззубой, оттого по-детски наивной, улыбкой! Почему-то у всех деревенских родственников есть бестактная привычка вслух комментировать появление двух бугорков на моем подростковом теле. Меня это очень злит, иногда даже кажется, что меня подбросили в эту дикую семью в род доме. В цивилизованных семьях так не делают!

Как только мы занесли вещи, взрослые сели пить чай, папа заговорил на чувашском громко и с нескрываемым удовольствием, будто весь год общаться на русском ему было тягостно. Сейчас со своими родителями, он словно вновь обрел крылья и крылья эти – родной язык, язык его детства, язык дома, в котором он вырос, язык предков много веков назад, осевших в Поволжье. Словно только с чувашским он – это он. Совсем другой папа, которого я никогда не узнаю, потому я не знаю его, и моего языка тоже. Мнимая боль, как будто ампутировали часть тебя, обрубил один из корней, и кусок прошлого семьи остался навсегда только в папе.

Родители обычно надолго не задерживаются в деревне. Привезли рабочую силу, увезли парного мяса, пару мешков картошки, яйца, поработали сколько успели: «Ну, извини эне, не могу остаться, на работу завтра!» – оправдывается папа. К нашему приезду бабушка всегда забывает русский язык, но к августу, бегло говорит, используя даже

новомодные словечки и сленг казанских улиц. Из её уст они звучат очень смешно. Невольно задумываешься неужели мы так разговариваем? Я часто спрашиваю: «Почему, бабуль, ты не учишь нас чувашскому языку?» Она уклончиво отвечает, зачем нам в городе чувашский? Ещё дети в школе дразнить или смеяться будут, услышав акцент. Я не спорила, потому что у бабушки дел хватало и без уроков чувашского, но в глубине души понимала, что в деревне чувашский явно бы пригодился.

Бросив вещи у кровати, я кинулась на улицу. Я бежала, перепрыгивая через крапиву, самым коротким путем к Дашке, мечтая лишь об одном, чтобы она оказалась дома. Шарик грозно обляял меня, когда я открывала калитку, но узнав, стих и поприветствовал вилянием хвоста. Я проскочила в дом, двери днем держат не запертыми. Через сени, кухню, зал, прямиком в Дашкин закуток. Пружинная железная кровать, отгороженная шкафом, на его фанерной задней стенке красовались плакаты Салтыковой и Кай Метова. Слева от входа стоял классический советский стол с полированной поверхностью, на стене висело зеркало, в углу большой сундук (никогда туда не заглядывала, наверное, как у всех там, одежда, носки да валенки, а может Дашкино приданное.) Дашка читала модный журнал, увидев сияющую подругу, она отбросила его в сторону и сдавила меня в крепких объятиях. Мы не виделись с августа прошлого года, переписывались, конечно, но счастье первой встречи трудно передать словами.

– Ура-а-а-а-а! Дашка!

– Тамарка!

Салтыкова, улыбаясь с плаката, подкинула идею, и я запела:

– Эти глазки, эти голубые глазки!

Дашка подхватила:

– Эти ласки, эти неземные ласки!

И мы заливисто расхохотались.

– Кто тут?

Это главный вопрос местному, непременно необходимо узнать, кто «из наших» сейчас в деревне.

– Ты первая, все к Троице собираются. Ленка тоже должна из Димитровграда приехать.

– И банда будет в сборе!!! Уху-ху!

Я подхватила подругу под руку и потащила к выходу, столкнувшись в сенях с Дашкиной бабушкой.

– Тамара, никак? Ты что ли? За год так выросла, девушка прямо, не узнать!

– Я баба Нюра, я! Как не узнать? Таких громких у нас в деревне мало.

Старушка рассмеялась.

– Это верно! Так раскричались, кур всполошили, а я с испугу из сарая примчалась. Думала, случилось чего.

– Вот и хорошо, что вы тут. Дайте-ка и вас обниму.

Баба Нюра очень строгая, часто не пускает с нами Дашку на гулянки, но люди не камень, и таких растопит искренняя радость.

– Приходи завтра, я пирожки печь буду.

– Спасибо! Приду обязательно! Я теперь каждый день до конца лета маячить буду!

– Да, уж! – баба Нюра видно в глубине души пожалела, о щедром предложении. В прошлом году она от нас с Ленкой пирожки прятала, муки на таких проглотов не напасёшься.

– Даша, только не долго, сегодня баню топить, ты ещё полы не помыла, воды не натаскала. – крикнула вслед «генеральша».

– Я скоро! – ответила Дашка.

– Я наклейки тебе привезла «Элен и ребята»! Правда так торопилась, что забыла сейчас с собой взять.

Я прижалась к Дашке, чтобы поскорее поверить, что мы снова вместе.

– Ну, рассказывай! Ты целовалась?

– Угу. – нервно хохотнула подруга, явно не ожидала допроса с пристрастием, прям так сразу. А как ждать, это же самое актуальное.

– Ах! И с кем?

– В школе там.

– Даш, что клещами что ли вытаскивать из тебя секреты? Я его знаю?

– Сережка Макаров.

– Он ничего, симпатичный, и как?

– В школе после дискотеки на новый год, пошел провожать, и...

– Вы встречаетесь?

– Не понятно. Вообще, что пристала? Все мужики – козлы. Не понимаю, почему вы с Ленкой на них помешаны. Как же вы не поймете, они за любой юбкой волочатся. Никакой любви. Извилины у них одна, и та между ног.

– Не помешана я на му... на парнях. Что Сергей тебя на другую променял?

– Не менял он. Мы расстались. Все Макаровы бабники, не новость.

– Ясно. А Верфель приехал?

Спросила, а сердце чуть не выскочило. Я сама не поняла отчего, вроде в городе о нем не вспоминала, а тут и воздух другой, и мысли. Деревня – другой мир, и я здесь другая.

– Тут! Только губу не раскатывай, он о тебе даже не спрашивал. И вроде только на выходные приехал.

– Ой! Да сто лет он мне не нужен! Что правда, ни разу про меня не спрашивал?

– Нет!

Мы перешли овражек перед бабушкиным домом, молча разделяя радость близости. Забежали в дом, в сенях и кухне уже полдеревни теснилось, все узнавали у папы городские новости. Телевизоры, радио изобрели, но односельчане – вернее. Сарафанное радио самый достоверный источник информации. Мы протиснулись к печке и шмыгнули в переднюю комнату, где находились две кровати, на стене у каждой весело по ковру, как же мы любили рассматривать рисунки на коврах, на одном была изображена сцена средневековой охоты, на втором – прыткие олени беспечно паслись на лугу, часами можно было изучать детали, а если надоест, можно высматривать причудливые расплывчатые силуэты в обойных узорах. Справа от входа стоял узкий старый диван, черно-белый телевизор со старомодной антенной сверху занимал треть стола, под скатертью которого бабушка хранила деньги, над телевизором красный угол с иконами и свечами, куда дед часто прятал Мальборо, привезенные отцом в подарок, шкаф с одеждой с наклейками-переводилками, барышень конца шестидесятых в коротких платьях с гитарами, которые

видимо очаровывали юного папу так, что он украсил ими мебель. И зеркало с тумбочкой у стены. На тумбочке красовались два цветных портрета бабушки и деда, снятые примерно в семидесятых. У окна стояла старинная ножная швейная машинка. В центре над вторым столом висела люстра, уменьшенная и пластмассовая копия люстры из театра оперы и балета.

– Давай, фотоальбом посмотрим, и вот тебе наклейки в подарок.

Листая фотоальбом, я комментировала: «Это я у Лильки на дне рождения, моей подруги с балльных танцев, я тебе про неё писала. Это мы с Лизкой на даче...» Вдруг дверь распахнулась, из-за занавески высунулась Лиза с недовольной гримасой:

– Тамара, ты идёшь? Твоя мотыга уже ржавеет начала, работать, анц-вай! Ты же не на курорт приехала, а в рабочий-трудовой лагерь, картошка зовёт! Ту-ту-туру-ру.

– Да, мне тоже пора, – заторопилась Даша, – До вечера, приходи ко мне в девять.

– Договорились.

Клуб

В Чув.Бурнаево два кирпичных двухэтажных здания. Первое – это школа, вокруг неё, не игровые детские площадки и стадион, а многочисленные грядки и яблоневый сад. Второе – здание в самом центре села, в котором располагается библиотека, сельсовет, почтовое отделение и клуб. Раньше был и кинотеатр, со сценой и зрительным залом (там же проводились собрания и коммунистические агитационные мероприятия), но сейчас это помещение не используется. Последний раз привозили и показывали индийские фильмы в конце восьмидесятых, бабушка очень хотела пойти, брала нас с Лизкой с собой, а мы совсем мелкие были, засыпали. Оба здания строил мой дед, и по слухам при строительстве клуба, дед якобы столкнул вниз деда Ленки Марковой (тогда они ещё дедами не были), и тот помер. Я не верю, конечно, высота небольшая, вокруг здания грунт. И если б слухи подтвердились, улики бы могли бы собирать, правда? Деда бы посадили. Да и вообще, как оказалось никто с крыши не падал. Вообще, у нас в деревне про каждого слухи есть. Среди них про изнасилование девяностолетней бабки, а у неё с памятью плохо, она и забыла кто именно был, но якобы соседка видела, как Михаил Семёнович мимо забора проходил. Я ещё подумала, с чего взяли то, что было изнасилование? Если старуха не помнит, и никто не видел. Одним словом, бурнаевцам фантазии не занимать.

Однажды, девчонки местные обозвали меня ведьминой внучкой, и сказали, что бабка моя ходит по ночам на кладбище к чёрту на свидания, он ей дарит букеты цветов, собранные с могил. А ещё чёрт ваш дом черными крестами пометил, чтобы ночью они светились и путь к возлюбленной в темноте указывали. Я, сначала не поверила, конечно, цветы полевые бабушка на чай сама в полях собирает. С кладбища не берет, все знают, нельзя. А потом увидела на косяке входной двери маленький крестик, начерченный угольком. Ох, и испугалась же я. Пошла в сени, а там такой же. И в бане, и даже на калитках в огородах. Я бежала на трясущихся со страху ногах домой, не оглядываясь. «Бабушка, почему у нас крестики нарисованы на всех дверях?» – испуганно спросила я. Бабушка как раз достала картошку из погреба. «Это чтобы не сглазили?» «А разве у нас в деревне люди

не добрые?» «Люди у нас добрые, а глаз у них злой, завистливый!» «Ясно. Так это значит, ты сама нарисовала?» Бабушка засмеялась: «Сама. Давай помоги, у старой картошки нужно корни оборвать, поросла уже!»

Когда я сплетницам передала бабушкин ответ, они не поверили, уж слишком им свои выдумки нравились. «Может сама нарисовала кресты, но не от сглаза! А чтобы черт из ревности деда твоего не убил! Крест на двери не дает нечисти внутрь войти. Черт только ночью из ада выйти может, а дед по ночам дома спит!» Я не стала с ними спорить, почему бы черту на улице деда не подкараулить? Ночью дед часто писать выходит, когда пьяный ему лень до туалета на заднем огороде идти, он с крыльца во дворе писает. Звуки Ниагарского водопада слышно даже с той стороны улицы, а если мы на лавочке перед домом с девчонками сидим болтаем, то и оглохнуть можно, если от стыда дотла не сгоришь.

Тетя Таня открывает библиотеку по будням с десяти до одиннадцати вечера, раньше не может, у неё, как у всех, корова, её встретить, подоить надо, накормить семью ужином. Мы с девчонками собираемся у клуба, садимся на жердочку крыльца и болтаем обо всём на свете.

Библиотека маленькая, треть книг на чувашском. Книги из школьного списка по литературе на лето я всегда нахожу, а для души люблю читать подшивки журнала «Мурзилки». Конечно, я выросла, но так интересно листать журналы, которые издавали десять, двадцать лет назад. Я люблю представлять, как выглядела наша деревня, когда папа был маленьким, а вдруг он тоже читал эти журналы. Подшивки большие и тяжелые, каждая по сто двадцать журналов. Подумать только, её собирали целых десять лет. Сохранились они хорошо, домой брать их запрещено, читать и смотреть «Мурзилку» можно только в библиотеке. Девчонки листают новые выпуски «бурды-моден».

Тетя Таня, не часто приходит, но никто особо и не расстраивается. Мы так увлечены беседой, что время летит незаметно, а если ещё кто из молодёжи подойдёт, то про журналы никто и не вспомнит (кроме меня).

Если повезет, и Петряк не напьётся, то может музыку вынести к одиннадцати, и тогда будет дискотека. Вовка Петряков ди-джей, у него есть ключ от клуба и магнитофон. Не знаю, платят ли ему зарплату за эту важную должность, или на эту вакансию больше не сыскалось добровольцев со своим импортным двухкассетным магнитофоном. Петряков зимой вернулся из армии, он тоже в Чечне воевал, как мой двоюродный брат Сашка, за службу им выдали немного денег, и отличии от Сашки, он успел купить магнитофон в Москве, а остальное как полагается, пропил. Так что он единственный обладатель такой серьезной аппаратуры в деревне. Вовка тоже пьет постоянно, вопрос только в состоянии, он в клуб выйти или нет. К технике Вовка относится трепетно, никому не доверит, и музыка у него крутая. Мои любимые песни «Коко Джамбо», «Донт Спик», «Кэпн Джек» и другие. Мы танцуем, танцуем, прыгая на скрипучих старых досках. Светомузыкой служит тусклая красная моргающая лампа, вкрученная в стену, весело. Быть молодым – это почти, как быть всемогущим! Впереди вся жизнь! Мы всё сможем! У нас всё получится. Музыка и неумолимое желание жить, наслаждаться каждой минутой выстукивают ритм, разгоняют пульс. Выбегаем охладиться и пить воды к колонке, на лавке сидит «народ», с ними поболтать можно. Эх, жаль нам-золушкам в двенадцать домой, иногда тянем до часу, но не дольше. Если старики поймают, дед отправит телеграмму родителям, и они нас заберут,

или пугали запретом на выход в клуб. А без клуба в деревне только крестьянский труд, скучно. Так что либо вовремя приходишь, либо прокрадываешься, как мышка, чтобы не разбудить никого. Один раз дед запер дверь, пришлось в окошко залезать, вот дед удивлялся, как я в дом попала. Все к бабушке приставал: «Ты открыла?!»

Мы встретились у Дашки дома, она стояла перед зеркалом, в наикрутейшей красной лаковой мини-юбке, наверное, её мама сшила по выкройкам из европейских журналов, (потому что на рынках такое не найти), черным карандашом для глаз Даша нарисовала губы, после нанесла помаду. Губы получились черными!

– Ата! «Веселей рабочий класс!» —восхищалась я, и почему только деревенских обзывают колхозниками, Дашка смело даст фору любой городской моднице.

На мне были коричневые джинсы в обтяжку, белая толстовка, с надписью на английском, волосы распущенные ниже пояса, из макияжа только блеск для губ и тушь. Во-первых, от косметики у меня зверски чешутся веки. Во-вторых, я не умею и не любила краситься. Еще я надела лифчик с поролоном, ценнейшая находка на вьетнамском рынке, мой бронезилет, защита запоздалой маленькой груди от любопытных взглядов.

*Я-я-я коко джамбо, я-я е,
Я-я-я коко джамбо, я-я е.*

*Путми ап, путми даун
Путма фитбак он ве граунд.
Путми ап, тейк май харт энд майк ми ханни**

*

*Ya-ya-ya coco jambo, ya-ya yeah
Ya-ya-ya coco jambo, ya-ya yeah*

*Put me up, put me down
Put my feet back on the ground
Put me up, take my heart and make me happy*

Услышали мы, зазывающие американские мотивы ещё у почты. «Скорее, я так хочу танцевать!» – схватила я Дашку за руку и потянула за собой.

Мы вбежали в пустой зал, несколько человек сидели в углу у колонки, беседовали с ди-джеем. Местные девчонки расположились в ободранных креслах за колонной, скрестив ноги. А мы, устроившись по центру, сразу начали притоптывать, потому что часики безжалостно тикают, и ровно в час нужно быть дома, иначе добрая бабушка превратится в ведьму! Второй хит года – «Кэптан Джек!» Хей-хо! Кэптан Джек! Мы прыгали и переминались с ноги на ногу, музыка играла громко, безудержная радость подхватывала нас и крутила в спонтанном эксцентричном танце. Клуб со свежевыкрашенными синими стенами, и заколоченными окнами мнится центром клубной жизни! Когда выключили медляк, и я прошептала Дашке на ухо: «Пошли к колонке, посмотрим, может Верфель вышел». Дашка кивнула, она верный друг. Разгоряченные мы вбежали из дискотечного зала в тёмный коридор клуба, как вдруг кто-то загорочил выход.

– Ёста васкатър хёрсем? – спросил незнакомый парень. В мутных лунных бликах с улицы я успела разглядеть зеленую форму и тельняшку.

– Сашка, ты что ли? Тебе же еще год служить? – У Дашки, как у всех деревенских, есть удивительный талант узнавать каждого, даже в полной темноте.

– Я в отпуск! Ку камән? – он кивнул как-то подозрительно в мою сторону.

– Кофоновых. Ольга аппан мәнукё.

В деревне что-то вроде кланов, если ты с кем-то дружишь, то почти наверняка ваши родители тоже примерно одинакового возраста, одноклассники, друзья или враги, у каждого рода есть своя история, из поколения в поколение семьи волнами знают, дружат, любят и ненавидят друг друга.

– Как тебя зовут, красавица? – парень явно обращался ко мне.

– Не красавица я, – оторопев от наглости, ляпнула первое, что пришло в голову.

– Мы спешим, до свидания, – отрезала я, и попыталась пройти.

Но Сашка схватил меня за талию повернулся и уволок, как паук Цокатуху в угол.

– Даша-а-а! – закричала я.

– Ан кулян, кўрентерместёп эпё сан тусна. Кәштах паллашар та-ёсё те пётрё! – остановил он мою подругу.

– Я тебя у колонки подожду, – растерянно, словно извиняясь, пролепетала Дашка и бросила меня совсем одну.

Я предприняла несколько попыток вырваться, но ничего не вышло.

– Отпусти, немедленно! Нормальные люди так не знакомятся!

– Поцелуй и отпущу!

Ох, Даня! Даня! Ты сейчас в Питере, любишься белыми ночами, гуляешь по Невскому проспекту, смотришь на разводные мосты, читаешь стихи... не мне! А я тут, зажата выпившим вдвшником в углу захолустного клуба в беспросветном мраке.

– Ни за что! Офигел совсем! – я понятия не имела, чем все это закончится, всё случилось быстро и неожиданно.

– Ну, разок, и беги куда хочешь!

– Отпусти, кому сказала, мне домой надо! Нельзя задерживаться!

– В час ночи? Детское время!

– Не твое дело! – я пыталась перекричать Гвен Стефани, доносящейся из зала.

– Что я тебе совсем не нравлюсь, – он чиркнул зажигалкой и маленькое пламя осветило его самодовольное лицо, смоляные волосы, черные лукавые глаза-угольки, сверлящие насквозь, острый ровный нос и тонкие губы. Он был вылитый темненький из «На-на»! От него пахло приятной туалетной водой и немного самогоном.

Сашка мог бы мне показаться привлекательным, но не в ситуации, когда меня прижали к стене.

– Нет!

– А ты мне нравишься, у тебя необыкновенно красивые густые длинные русые волосы, с ума меня сводят. И глаза голубые! Тону!

Его неуклюжие комплименты меня на мгновение обезоружили, никто никогда не говорил мне ничего подобного. Наоборот, в мозг засели мамины фразы, которые она часто повторяла гостям: «Тамара у нас гадкий утёнок! Она ближе к тридцати только станет

лебедем!», «Красота вся досталась Лизе! Зато Тамара учится хорошо!» Мне безумно хотелось кому-то нравится, но до конца поверить, что это возможно я почему-то не могла.

– Я не умею! – попыталась выкрутиться с другой стороны.

Сашка, расплылся в довольной улыбке, как кот, который обнаружил открытую банку сметаны. И я тут же пожалела о своем признании.

– Не беда, я научу! – прошептал он на ухо, и почувствовала, как крохотные волоски на спине встали дыбом. Ещё бы, так близко парня я ощущала впервые.

– Не хочу, я с тобой учусь, – уже не таким уверенным голосом, отпиралась я.

– Дашааааа! – отчаянно закричала я.

– Сашка отпусти, серьезно! Нам идти надо! Меня бабка убьет! – Как же я была счастлива, услышать подругу, всё это время она была поблизости, она не бросила меня. Она лучшая на свете.

– Всё зависит только от неё.

– Хорошо, я домой, Тамар. Уже два ночи, если бабушка засечет, меня неделю в клуб не пустят.

– Пока, – попрощалась со своей единственной надеждой на спасение. Вот коза.

Не помню, о чем мы говорили, я просилась в туалет, домой, сказать что-то Даше, обещала выбежать на минутку и вернуться, но Сашка не отпускал. Кот уже поймал мышку, и наслаждался игрой. Я вспоминала мальчиков, которые мне нравились, и которых я сама придумывала, свои наивные мечты о первом поцелуе, все что я вообразила, свидания, стихи (желательно Александра Блока), которые читает мне возлюбленный под окном, любовные письма, страстные признания, прогулки под луной. Почему все пошло не так?! Все совсем не как в книгах. Весёлые выкрики и говор людей снаружи начал стихать, через окно на втором этаже пробился предрассветный тонкий алый луч. Господи, скоро доярки поедут, увидят меня, и вечером вся деревня будет знать, что Тамара шлялась до рассвета. После такого меня не выпустят из дома до конца лета. Чертов Сашка!

– Четыре утра почти! Ну, ты и упрямая! Только я упрямее, и спешить мне некуда.

– Целуй, только быстро! – сдалась я, и Саша приобнял меня и прижал к себе. Я размякла и безвольно поддалась. «Он хотя бы тёска моего любимого поэта,» – промелькнуло в уставшей, звенящей пасхальным колоколом, голове.

Александр Блок

Мы были вместе, помню я...

*Мы были вместе, помню я...
Ночь волновалась, скрипка пела...
Ты в эти дни была — моя,
Ты с каждым часом хорошела...
Сквозь тихое журчанье струй,
Сквозь тайну женственной улыбки
К устам просился поцелуй,
Просились в сердце звуки скрипки...*

9 марта 1899

Поцелуй мне совсем не понравился, что-то чужое, влажное, с привкусом дешевых сигарет в твоём рту. Было жутко обидно, что мой первый поцелуй отобрали так убого и грубо без стихов и ухаживаний. Почему, почему я не разрешила поцеловать себя Дане? Но и липкая радость от сока запретного плода щекотала губы, и заставляла тело трепетать. Я бежала домой не оглядываясь. Ой, что же будет? Безжалостно светлело, когда я на цыпочках пробиралась по дому, боясь наступить на скрипящие доски. Глаза слипались, хоть сердце колотилось от пережитого волнения, я улыбнулась, вспомнив бесполезные Лилькины уроки поцелуев с помидорами. И мгновенно уснула.

...
*может я глупая слишком,
Что разрешила себя поцеловать.*

Святая троица

В День святой Троицы бабушка наряжается в свой лучший наряд. Складывает в старую сумочку варенные яйца, конфеты и печенья для поминания. Бабушкин образ красы 60-х дополняет шелковый платок, который она выбирает из десятка «новых», и кожаные винтажные туфли-лодочки без каблука. Если дед не выпил весь одеколон, бабушка тщательно обмакнет «Сашей» запястья и генеральской походкой, устремиться вниз к речке, чтобы не пропустить служение. Бабушка намекнула, что на кладбище надо идти «в приличном» или хотя бы ниже колен. Порывшись среди всех своих мини, подошел только мамин сарафан. Плечи я прикрыла джинсовой курткой.

У речки бабушка с ловкостью заслуженной канатоходки советского цирка переправилась на противоположный берег по тонкому мостику из двух бревен. Вода в этом месте по щиколотку, я сняла белые босоножки на высоком каблуке, и перешла реку вброд. В деревне я люблю ходить босиком, в шлепках или галошах. В этом году я привезла из города ещё черные платформы и босоножки-плетёнки, которые мне Лиля подарила.

Кладбище обнесено забором, над главными воротами выцветшая икона казанской божьей матери. Нужно обязательно перекреститься, а мужчинам снять головной убор проходя через ворота. У входа уже припарковалось несколько машин и мотоцикл с коляской. Бабушка бросила небрежный взгляд и со сноровкой опытного кГБшника определила, кто уже прибыл. Перекрестилась, прошептала молитву на чувашском и нырнула в чащу кладбищенского леса.

Деревенское кладбище условно делится на две половины: старое, где среди высоких деревьев покосились деревянные кресты, надписи и даты, высеченные на них лет сто назад, стерлись или потрескались, могилы давно никто не навещает, потому что те, кто хоронил этих покойников и сам уже мертв. И новое – среди молодой поросли ухоженные могилы, которые регулярно навещают живые, с новыми каменными плитами и засохшими или искусственными цветами.

У старого кладбища, недалеко от могилы моего прадеда Давыдова – старосты деревни в дореволюционные времена, построена небольшая беседка, где проводятся богослужения. На Троицу из Нижнего Колчурно приезжает батюшка. Бабушка состоит в хоре, каждые похороны, поминки и праздники, хор старух исполняет тонкими старческими

голосами молитвы на чувашском языке. Папа говорил, что у бабушки в молодости был очень красивый голос, её неоднократно звали во всесоюзный чувашский хор, но ревнивый дед не пустил. Люди столпились у беседки, батюшка читал молитву, бабушка, протиснувшись сквозь толпу к подставкам с раскрытыми книгами, присоединилась к поющим. После каждого «Аминь» бабушка яростно крестилась и смотрела на меня строго, проверяя правильно ли осенила я себя крестным знаменем. «Лоб, пупок, право, лево!» – нащёптывала я себе, чтобы не перепутать. К беседке устремился поток опоздавших, вот уже на небольшой лужайке не протолкнуться, меня оттеснили к поросшему крапивой бугру, боясь наступить на чью-то могилу, я отошла дальше, безуспешно ища взглядом знакомое лицо любимой подруги.

Наконец, служение закончилось, батюшка вышел с березовым веником, рядом шествовал крепкий мужчина с тазом воды.

«Во имя отца и сына и святого духа!» – и священнослужитель обрызгал людей, склонивших головы, водой. «Во имя отца и сына и святого духа!» – в нашу сторону полетел щедрый дождь из святой воды. «Бл..!» – выругался кто-то рядом в блаженном экстазе. «Господи, помилуй! Господи, помилуй!» – шептали вокруг.

После обрызгивания толпа зашумела и растеклась. У могил родственников и знакомых люди встречались, обнимались, общались со старыми друзьями и родными. Я поразились тогда, что деревенское кладбище не место грусти и траура, а место радости и встреч живых и мертвых. Я брела за бабушкой, хотя уже довольно неплохо ориентировалась на местности. Вот дедушка Тани Марковой, вот моя прабабушка по матери, бабуля Оля всегда бросает ей к памятнику конфеты. Маленькая сморщена старушка, Мария Никаноровна смотрит на меня хрустальными глазами с фотографии. «Мы с ней родственники, хоть и не кровные, а тебе она родная,» – прошептала бабушка Оля. Затем мы зашли за огороженную металлическими прутьями маленькую территорию со столиком и одноместной лавочкой. Бабушка подошла к памятнику, погладила ладонью по слегка заржавевшему железному кресту, опасливо оглянулась, торопливо поцеловала фотографию, что-то прошептала по-чувашски, суется бросила печенья, достала бутылку самогона, и окропила землю.

«Кто это, бабуль?» – спросила я. «Мой первый муж, Иванов, Зоин отец! Ты деду не говори, что мы к нему заходили, ревновать будет!» Я не знаю, что меня больше огорошило. То, что дед ревнует бабушку к давно умершему первому мужу, или что у тети Зои и папы получается разные отцы. Пока я пыталась осмыслить услышанное, не решаясь, задать новые вопросы, которые заваливали лавиной мой юный мозг. Какая длинная, насыщенная жизнь была у бабушки, когда-то она была молодой влюблялась, страдала, похоронила мужа, которого до сих пор любит, вышла замуж за деда, родила папу на полу в старом доме за клубом. Что она за человек? А знаю ли я её так хорошо, как мне кажется?

Мы вышли на поляну, подошли к месту захоронения прабабушки Варвары. Я уже знала, что сейчас скажет бабушка, она повторяет свою просьбу каждый раз. «Это моя мамочка любимая, вот тут под березой вы меня и похороните! Я рядом место специально оставила.» – попросила бабушка. «Хорошо, бабуль. Только ты живи долго-долго, пожалуйста.» – ответила я. «А это брат мой Лёня! Разбился он на автомобиле! Они чуть было не обручились с твоей бабушкой Тamarой (мамой твоей матери)! Он потом так и не женился,» – улыбнулась она. Родился в 1938-м, умер в 1973 году. Пробежалась я по

строчкам, 1973 как давно, это же десять лет до моего рождения. «Бабуль, а твой отец где похоронен?» – спросила я. Глаза бабушки наполнились слезами: «Кто же знает, внучка? Кто знает, война! Ах, сколько я мечтала, чтоб хоть на могилку к нему сходить, хоть на братскую, поклониться, а так и некуда! Где его кости лежат никем не оплаканные? Каждый день же за его душу и за брата моего Семёна, который тоже с войны не вернулся, молюсь, за спасение, за упокой!» Война завершилась пятьдесят два года назад, превратилась в историю из школьных учебников, а боль от неё ещё жива и терзает бабушкино сердце. Я представила её двенадцатилетней девочкой, провожающей сорокалетнего отца Козырева Моисея Николаевича на войну, и восемнадцатилетнего старшего брата Семёна. Ночи ожидания и слёз, похоронка и боль... Боль, которая терзает её спустя полвека. Костлявая лапа бабушкиного горя сжала мне горло, я ощутила смерть людей, которых никогда не знала, которые умерли за долго до моего рождения, которые могли бы возможно быть и сейчас живыми, если бы не ... ВОЙНА! Я с трудом откашлялась, и взяла бабушку за руку.

С Дашкой мы наконец, встретились у могилы Алёны Кунаковой. Наши бабушки завели беседу на чувашском, так что я понятия не имела о чем. А мы молча бросили на крохотную могилу конфеты. Алёна Кунакова была нашей ровесницей и подругой, она приезжала каждое лето в деревню из Тольятти. Хорошо помню вечер, когда ко мне прибежали встревоженные взрослые и спросили, где я последний раз видела Алёну. «У пруда,» – ответила я. Утром девочку нашли, она утонула. Мы столпились в дверях дома, а над маленьким вздутым тельцем склонилась мама Алёны, громко рыдая, она давила на грудь, и из рта мертвой девочки текла вода. С тех пор реку в Чув. Бурнаево не прудили. Родилась 1983, умерла 1990. В семь лет я познакомилась со смертью. В семь лет я начала её страшиться. Что остается от человека? Две даты...

– Ты что меня вчера бросила? – обиженно напустилась я на Дашу.

– Я ждала тебя долго, сколько могла, меня, итак, бабка наказала. Меня теперь неделю в клуб не пустят! Из-за тебя между прочим! – парировала она.

– Блин, неделю! Не бабка, а зверь! Так и лето пройдет, я уеду! – вздохнула я.

– Баба Нюра, отпустите, Дашу пожалуйста, гулять сегодня! Праздник всё-таки. – заискивающе попросила я.

– Что? Да ты знаешь, во сколько она пришла? В два часа ночи! Я глаз не сомкнула, в окно глядела! Я что ль не знаю, что у молодёжи нынче на уме? Водка, секос и наркотики! Вот что! – завелась не на шутку баба Нюра.

– Вы же сами замуж после седьмого класса вышли, в четырнадцать, интересно секосом что ли не занимались! – съязвила я.

– Ах, ты какая... Да ещё споришь! Вот замуж выйди и занимайся, если не терпится! – привела весомые доводы старуха.

– Пошли, – я приобняла Дашу, явно оторопевшую от моего спора с непобедимой блюстительницей морали, и повела её к выходу, хватит с меня кладбища, да и не терпелось рассказать подруге о вчерашнем.

– И куда это вы? – крикнула вдогонку баба Нюра.

– Замуж! – ответила я.

Баба Нюра едва сдерживалась в присутствии моей бабушки, чтобы не облить меня ведром отборных чувашских ругательств.

– Ну и молодёжь! Ох, уж эти городские! Совсем старых не уважают! Это их телевизор всему научил! Фильмы развратные американские, в наше время такого не было, мы приличными росли! Коммунизм строили! – жаловалась она окружающим, грозно рассекая воздух крепким пролетарским кулаком.

Не святая троица

Мы бежали вниз по склону, изнывающие от жары, чтобы укрыться в тенистой прохладе реки. Погрузив ступни в тёплую прозрачную воду, пальцами ног я рыхлила мягкий песок. Щебетали птицы, скользили водомерки, солнце играло бликами в мелкой ряби неторопливого течения. Солнце целовало макушки старых ив. Лето согревало сердца, нестерпимо хотелось любить.

*Love Is In The Air
In the rising of the sun.
Love Is In The Air
When the day is nearly done.*

*And I don't know if you're an illusion
Don't know if I see it true
But you're something that I must believe in
And you're there when I reach out for you.
Love Is In The Air
Everywhere I look around...
Love Is In The Air
Every sight and every sound...*

– Ну, и сердитая у тебя бабушка! – с искренним сочувствием сказала я.
– Зато мама мировая, ей от бабки в своё время тоже досталось! Когда она вернётся из Тольятти, легче будет!

– Здравствуйте, тетя Галя! – хором поздоровались мы с соседкой.

– А вы что тут делаете? Лена ваша приехала! – заливисто засмеялась женщина, глядя как скоро мы бросились встречать подругу.

Теперь мы бежали на перегонки и смеялись. Такими счастливыми умеют быть только четырнадцатилетние девчонки, предвкушая встречу с лучшей подругой.

Ввалившись в дом с грязными босыми ногами, я бросилась открывать одну за другой скрипучие двери: веранда, сени, кухня, передняя.

– Ленка!

И мы кинулись в крепкое тройное объятие. Лена разразилась неповторим раскатистым басовитым смехом.

– Как же меня утрясло в дороге, теперь собирать меня нужно заново, – пошутила она.

Лена Морозова была модельно красивой блондинкой, густые идеально светлые волосы подчеркивали её круглые зелёные глаза на слегка бледноватом лице. Грудь у неё

сформировалась, в приталенных джинсах с высокой талией, белой блузке, зачесанной на бок чёлке, она напоминала куклу Барби или Алёну Апину в молодости, кого больше, сказать трудно.

– Рассказывайте скорее, что тут без меня произошло! – Лена захлопала пушистым веером сильно накрашенных ресниц.

Мы с Дашкой переглянулись.

– Да, ничего особенного. Только Дашу бабушка наказала, её неделю в клуб не пустят.

– Что? Нет, нужно срочно уговорить бабу Нюру.

– Не получится! Она кремень! Я уже пробовала, – покачала головой я.

– Знаю, как ты пробовала, спорила опять, язвила! Опоздала я, – Лена прикусила губу.

– О! Карты! Хотите погадаю, что вечером будет? – решила хоть как-то загладить провинность перед подругами.

– Давай, но они игральные! Посидеть на них надо, чтобы не врали! – протянула мне колоду Лена.

– Я не могу! Сидеть на картах! – я с трудом проглотила невидимый комок в горле.

– В смысле, – подруги расстреляли меня недоуменными взглядами.

– Не целованной же надо! – пискнула я.

Лена и Даша вытаращили на меня глаза!

– Сашка? – Даша, не удержавшись, плюнула на пол, – вот паразит! Обещал же мне!

– Так-так! Ну-ка по порядку, – Лена села на диван, предвкушая интересную историю.

– Ничего особенно. Не пускал, пока не поцелую. Я до рассвета продержалась.

Лучше, скажи ты с кем приехала? – мне очень хотелось ускользнуть от расспросов, и оставить детали на дне памяти, в надежде, что когда-то они покроются пылью времени, а то и вовсе сотрутся.

– С Кукушкиными. У мамы отпуск через две недели, они с Настей позже приедут. А мне к вам поскорее хотелось.

*Марина Цветаева
Тройственный союз*

*У нас за робостью лица
Скрывается иное.
Мы непокорные сердца.
Мы молоды. Нас трое.*

*Мы за уроком так тихи,
Так пламенны в манеже.
У нас похожие стихи
И сны одни и те же.*

*Служить свободе — наш девиз,
И кончить, как герои.*

*Мы тенью Шиллера клялись.
Мы молоды. Нас трое.*

1909 г.

Восемь ноль, ноль

Жизнь в деревне течёт размерено и строго по расписанию. Бабушка встает в пять утра, доит корову и выгоняет её в стадо. Дед чистит двор: собирает лопатой в ведро коровьи лепешки, куриный и гусиный помёт, кучки овечьих шариков и бросает в навозную кучу на заднем огороде, у картофельного поля. Овцы выходят в шесть. Дед в это время аккуратно отрезает ножницами лист отрывного календаря, внимательно читает информацию о сегодняшнем дне (зависит от календаря, в прошлом году бабушка покупала церковный), обычно там говорится о длине светового дня, о цикле луны, и народных приметах. Бабушка топит сало, и когда ароматный растопленный жир зашипит, бросает порезанную варенную картошку, оставшуюся с ужина, иногда еще и тут же жарит парочку яиц. Ровно в семь утра дед заводит ключиком, висящем на гвоздике, настенный часы и уходит на работу. Бабушка старше деда на семь лет, и официально на пенсии. В августе, когда местные не успевают, она ходит подработать на ток. В том, году и я просилась, и хоть работа несложная пересыпать зерно лопатой, но берут только старше шестнадцати.

После завтрака (а если сенокос это в шесть утра) мы идем на работу. Ровно в час дня – обед, если нет работы, и ты прогуляла прием пищи, ешь то, что оставила бабушка в тарелке на столе, прикрытое полотенцем от мух. В пять – поливка в огороде капусты, огурцов и помидор. После нужно натаскать корове в корыто десять ведер воды. В семь мы с сестрой идем встречать корову, вдвоём или по очереди. Нужно встретить Дочку в конце деревне, если пастухи ленились и коровы остались голодными, они именно в этом месте разбегаются по «колхозным» полям, и тогда даже оштрафовать могут. Наша корова очень умная, я всегда волнуюсь после зимы, что её не узнаю, но корова всегда сама меня узнает. Смотрит на меня своими огромными умными глазищами, и где-то под её мягким теплым носом прячется нежная коровья улыбка. В двадцать ноль–ноль бабушка ставит картошку на огонь, и идёт доить корову, через десять минут вода закипает, и через двадцать минут картошка – готова. Меня всегда поражает, как за все лето, нам не надоедает картошка на обед, ужин и завтрак. Но в этом и секрет, картошка, которую ты вырастил сам, которую посадил, полон и окучивал, собирал часами ненавистных колорадских жуков и сплющивал пальцами их рыжие овальные яйца на листочках, выкопал и таскал в мешках в погреб, то такую картошку можно есть вечно, потому что ничего на свете вкуснее её нет. А когда в конце июля бабушка начинает выкапывать молодую, то это всем праздникам праздник. В девять вечера я иду к Ленке или Дашке, или мы собираемся у нас, дед с бабушкой смотрят программу «Время» и, если нет интересного фильма ложатся спать. Ничего кроме первого канала их черно белый маленький телевизор не показывает. Бывает и первый барахлит. В двадцать два – старики засыпают, просыпается молодежь. Собираемся в клубе на танцы или сидим на лавочке у амбара бабушки Андрея Макарова (её дом в самом центре

деревни) и болтаем с девчонками обо всем на свете, любясь звездами. В полночь официально домой, но иногда на свой страх и риск мы возвращаемся в час. А утром ... все заново! В пять утра встает бабушка...

Работа в деревне тоже по графику. В начале июня после завтрака мы идем тяпать картошку, полоть мотыгой сорняки. Если это конец июня, мы окучиваем картофель, присыпаем землей у корня. Если это июль мы идем в овраг у самого леса, там наше место для сенокоса. Все знают, но всё же в начале июня бабашка ходит туда с косой и помечает, скашивая небольшие квадраты травы. Это необыкновенно красивое место, несмотря на то, что тут мы тратим часы счастливого детства на изнурительный рутинный труд. Это ж надо, конец двадцатого века в центре матушки России косят косами, как сто, двести, пятьсот лет назад. Нищета и убожество – плата за иллюзорную попытку построить социализм. А мы не выбирали время и место рождения? Нет. Выбрала бы я другую страну или другую эпоху, если бы кто-то спрашивал? Не знаю.

Мне нравится смотреть, как бабушка косит. Её движения плавные и размеренные, взмах, и трава ложиться на землю. А мы с сестрой вилами переворачиваем скошенную траву, чтобы она просохла, и жадно вдыхаем аромат сена. Обожаю запах скошенных трав и цветов, умирая, они даруют миру каплю сока, каплю своей простой красоты, каплю настоящего лета. Зимой, когда кажется, что лета никогда не бывает, оно лишь мимолетный призрачный сон, зима такая угрюмая, что и вовсе царит здесь круглый год, весь год холодно и тоскливо, только аромат сена способен воскрешать память о лете и дарить новые надежды на его возвращение.

Мы устроились в тени высокого раскидистого дуба, чтобы перекусить. Пожалуйста, ознакомьтесь с меню сенокосного обеда: варёный свиной жир, посыпая его солью, яйца вкрутую, хлеб и свежие огурцы. «Это самое лучше место на земле!» – улыбнулась бабушка и всё её лицо будто засветилось. «Бабуль, вот ты каждое лето много работаешь. А на море ты бы хотела?» – спросила я. «На курорт? Нет! Никаких курортов мне не нужно! Это моя земля! Мне тут курорт!» – ответила бабушка. «А ты в Москве была?» – не унималась я. «Нет, самое далекое в Казани, до войны ещё девчонкой, мы в Казань пешком ходили платки носовые с вышивкой ручной продавать!» «В Казань! Пешком? Да ты что, это же сто пятьдесят километров!» – не поверила я. «Да, долго шли, в поле в стогах ночевали! Но продадим платки, купим гостинцев и обратно. Ну, хватит болтать, работать пора!»

«Бабуль, а научи меня косить!» – попросила я. Бабушка вздохнула: «Это тяжело, твой отец до сих пор нормально косить не умеет!» «Хоть разок!» «Ладно!» Бабушка терпеливо показала, как держать косу, позу, положение рук. У неё получалось слажено и точно, и казалось со стороны, что косить плёвое дело. Страшновато правда. Лезвие бабушкиной косы всегда идеально заточено. «А тупой косой ничего не выйдет!» Я замахнулась и удивилась, как же это трудно. Мышцы рук и спины заныли от напряжения. Я сделала еще пару замахов, но на второй раз коса наскочила на кочку, а на третий острием вошла в нос моей новой калоши. Хорошо, что они мне были велики, и к счастью, обошлось без несчастного случая. «Ах, тур-тур-тур!» – запричитала бабушка! «Калоши нынче дорогие, и ноги только две, иди-иди переворачивай, сама я! Сама! Опасно это!» Я послушно сдалась. Подняла вилы и пошла на южную часть оврага, где скошенная трава уже подсохла. Вспомнился анекдот про Льва Толстого.

Поутру Лев Толстой выходил на покос. Махал косой и думал:

- До чего ж хорошо! Только тяжкий физический труд позволяет человеку мыслить, чувствовать и совершенствоваться.

Крестьяне, стоявшие поодаль, говорили так:

- Почто барин капусту косит?

- Кто ж их, образованных, разберет?

Дед с нами не пошел, вчера он, затачивая косу, порезал руку, лезвие вошло довольно глубоко. Я была неподалеку и с ужасом смотрела на тонкий алый ручеек, стекающий в сухую землю. Дед отвернулся от меня и тут же приступил «лечить» травму народным способом. Фу! Да, мои бабушка с дедом большие поклонники уринотерапии. Я это, мягко говоря, ненавижу, в прошлом году, возвращаясь ночью из деревенского клуба на супер модных черных платформах, по кочкам и ухабам грунтовой тропы, я подвернула ногу и не могла на нее даже наступить. В области лодыжки нога распухла и кожа покраснела. Бабушка буквально заставила меня помочиться на тряпку и обмотать ей щиколотку. От тряпки так воняло, что меня вырвало, и я возненавидела уринотерапию! Но дед уверял, что даже пить мочу нужно, когда кишки болят, помогает. «Ну, да, как раз ей запивать одеколон,» – подумала я. С тех пор, я вожу из города небольшую аптечку, потому как в деревне ни больницы, ни аптеки, только... натуральное хозяйство и народная медицина.

Произведя «дезинфекцию» раны, дед снял рубашку, оторвал рукав и обмотал руку. «Ничего, этой рубашке больше тридцати лет!» – пояснил он. И приостановив кровотечение, отправился домой. Так что, сенокос для него нынче закончен.

Прошлым летом нам не везло с погодой. Только сено просушили, прошел дождь. Просушили с двух сторон второй раз, и опять ливень. «Если третий раз польет то, всё пропало сено!» – вздыхала бабушка и крестилась. Она очень верующая, я поражаюсь, как она помнит молитвы, ведь при коммунизме религия была под запретом. «А молились, и при коммунистах молились! И Николая, отца твоего, крестили мы тайно!» – рассказывала бабушка. «Папа же атеист!» – удивилась я. «Эх!» – махнула рукой старушка. «Господи, пожалуйста, сил моих больше нет делать одну и ту же работу, и корову жалко, как зимой без сена? Не шли на землю дождей, пока мы сено не привезем.» – мысленно обратилась я к Всевышнему.

Воскресенье – святой день, работать нельзя. «Если стирать будешь в воскресенье или полы мыть, после смерти тебе грязную воду выпить придется!» – пугала бабушка. «Не надо меня трудом страшить, у меня каникулы, как-никак отпуск. А я тут с утра до вечера, еще и шестидневная трудовая неделя! Я и без пугалок мыть не собиралась ничего!»

Суббота – банный день! Утром в каждом деревенском доме моют полы во всем доме, меняют, стирают белье, топят баню и моются. Вся эта рутина превращается в ритуалы, наполненные древней магией и глубинным смыслом, ибо делали так из покоя веков. А если ты любишь чаще мыться, договариваешься с чистоплотной соседкой, и она топит баню в среду, мы в субботу и ходим друг к дружке. У кого бабушки щедрее и разрешают чаще топить, дрова тратить, тому повезло. Но у нас с дровами, с газом в баллонах для плиты, и с сахаром строгий учёт.

«Дед, ты что нам лишний кусок рафинада жалеешь, а у самого ложка в чае стоит, полчашки сахара, даже не растворяется?» – спрашивала я. «Я остатки чая, как вы не

выливаю свиньям, вот сахар и копиться!» «А бумагу туалетную куда спрятал, специально же привезли?» Дед усмехнулся: «Бумагу я буду тратить, когда вы уедете, у вас в городе полно бумаги! А у нас газет полно, я порезал на кусочки на проволоку повесил!» Дед был не жадный, он и мясо нам отдавал, и картошку, яйца и овощи. Даже не знаю, как б последние годы без деревенских продуктов жили. И так впроголодь. Но туалетную бумагу, конфеты, батон и колбасу он считал своими, и от нас прятал.

Комнаты в доме мы с Лизкой поделили на зоны, и чередовались каждую неделю, кто что моет. Передняя, веранда и длинное крыльцо, вторая – кухня, сени, они хоть и маленькие, но вечно заставлены пахучими банками, а в балки, что крышу держат воткнуты гусиные крылья, ими пол подметать удобно, наклоняться правда нужно низко, зато ни одной крошки после перьев не останется. Последняя часть второй уборочной зоны маленькое крыльцо во двор. Оно тоже грязное бывает, особенно, если там коза спала. Дом маленький, но мытье полов может занять до полутора часов. А когда грязную воду в овраг перед домом выливаю, меня перекашивает от мысли, что после смерти такую грязь пить заставляют. Фу!

В баню воду таскать приходится из переднего огорода, потому что старый шлаг давным-давно прохудился. И я хожу с коромыслом, не шучу. Очень удобное изобретение, между прочим. Нагрузка равномернее распределяется, и нести легче. Баня у нас по-черному, бабушка сама топит, чтобы мы не угорели. Столько страшилок по деревне ходит, как кто-то от угарного газа помер. «Если глаза щиплет, значит газ ещё есть, заходить нельзя! Обождите!» – учила бабушка.

В раннем детстве баню я не любила, папа часто вспоминает, как он стоял у входа, ждал, а я рыдала: «Папа спаси, папа помоги! Горячо!» А у мамы ни единый мускул не дрогнул мыла нас в кипятке, чтобы «грязь вышла». Я и сейчас очень горячую баню не люблю, и парюсь редко, но есть особое наслаждение выскочить из парилки в прохладный предбанник, выпить ледяной воды прямо из ковша и прислушиваться к звукам снаружи. Баня наша на заднем огороде стоит в картофельном поле, стрекохот цикады, птицы щебечут, я сижу голая на застеленной полотенцем лавке и время останавливается. Иногда открываю дверь и кричу что есть мочи: «Жить хорошо!».

Одену чистую одежду, иногда футболка «городом» пахнет, нашей казанской квартирой, как легкий привет из другой жизни. Закручу волосы полотенцем в чурбан, и иду раскрасневшаяся через огород и двор в дом, там уже чай горячий с вареньем готов. И дышится после бани легче, будто поры раскрылись и вдыхаю кислород кожей! Иной раз даже голова начинает кружиться от пьянящего летнего воздуха с тягучим ароматом дыма, выщегося из труб каждой деревенской баньки. Лепота.

Девочки с обложки

Днем я зашла к Лене, она прихватила целлофановый пакет с одеждой для фотосессии. Мы планировали сфотографироваться для рубрики «Девочка с обложки» из журнала «Маруся». Тетя Надя – Дашина мама выписывала для дочери журналы, больше всего нам нравился «Маруся», мы читали от корки до корки, и я очень жалела, что нам с Лизой родители ничего не выписывают. «Денег нет!» – отвечали они на любой наш вопрос

или просьбу. Так, что я была безумно рада читать Дашины, тем более она щедро делилась с нами.

У Даши мы нарядились, накрасились. Вообразив себя, Клавдией Шиффер, Сидни Кроуфорд и Наоми Кемпбелл, мы позировали на фоне деревенских ковров и новой белорусской стенки, не забывая беречь кадры на нашей 36 кадровой пленке «фуджи» (она дешевле) мыльницы «кодак».

– С дядей Андреем в Тольятти передадим моей маме, она проявит и напечатает фотографии, – сказала Даша.

– Отлично! А когда выиграем, поедем в Москву на настоящую фотосессию для обложки журнала, – размечталась я.

Девчонки рассмеялись.

– Да, ладно, попасть бы просто в рубрику, – усмирила мой пыл Дарья.

– А что? Лена будет девушкой «Апреля», я буду девочка «Май», а ты – «Ноябрь». Потому что это месяца наших ней рождений. Надо же мы все родились в один год! 1983-й!

Даша с Леной переглянулись, явно не понимая к чему я клоню.

– Наши дни рождения осенью и весной, живем мы в разных городах, – я посмотрела на Дашу и добавила, – и в селах, а встречаемся только летом, значит, с большой вероятностью мы пропускаем дни рождения друг друга. Нам нужно придумать особый день, особую дату, где-то в середине лета, и отмечать этот день.

– День дружбы! – предложила Лена.

– 22 июля! – подхватила Даша.

– Ура! Поклянёмся праздновать этот день вместе каждый год!

– Клянёмся! – хором сказали мы.

Потом мы поспешили за речку, к маленькому цветущему болоту, в образе русалок отсняли там ещё несколько кадров. Эх, как жаль, мы ещё не скоро сможем увидеть сегодняшние фотографии. Потом парочку – у березовой рощицы. Залезли на старую иву, с ветвей которой так хорошо было видно наш дом, оттуда я обожала шпионить за бабушкой.

– Я год с тройками закончила, наверное, после девятого буду в торговый поступать, – призналась Лена, – ничего не понимаю в этой алгебре.

– Хочешь, я тебе помогу, объясню что-нибудь? Мне легко дается. Я в этом году сдала экзамены в физико-математический лицей. Очень хочу поступить. Так переживаю, жду результаты, мама обещала прислать телеграмму, как вывесят списки. Каждый день на почту хожу, тёте Вере глаза намозолила.

– Вот ещё над учебниками корпеть, когда каникулы. – фыркнула Лена.

– А зачем тебе физика-математика, ты же актрисой хочешь стать и поехать в Санкт-Петербург? – резонно спросила, посвященная в мои планы Даша.

– Кто знает, как карьера сложится, может постарею и никто не позовёт в кино сниматься, как раз после 35 лет буду в президенты баллотироваться. А там четыре года и пенсия.

– Мы в тебе не сомневаемся! Дерзай! – улыбнулась Лена.

– На наши голоса можешь рассчитывать. – кивнула Даша.

– Помните, года четыре назад из колхозного стада бешенный бык сбежал, бегал по полю, громко мыча, его вроде поймали, а мы всё боялись с дерева слезть, так и просидели до темна. – засмеялась Ленка.

– Ещё бы, бабушки наши такой переполох подняли. – добавила Даша.

– А когда нам семь было, мы с мальчишками лазили в заброшенный дом, где мужик повесился, мальчишки увидели призрака и перепугались до смерти. А это не призрак был, а занавеска старая на окошке колыхнулась от ветра. – память переключала яркие слайды наших детских приключений.

– Не помню, – покачала головой Лена.

– А в позапрошлом году, когда мы в ржаном поле за озером играли в прятки, и я водила. Вы ушли, ничего не сказали, козы. А я вижу рожь колышется, будто кто-то на четвереньках ползёт. Я понеслась сломя голову к этому месту, колосья руками раздвинула и крикнула: «Вот вы где!». А оттуда громадный суслик как вскочит, на задние лапы встал, передние вверх задрал и заверещал, страшнее, чем бешенный бык. Я так испугалась, бросилась бежать без оглядки домой. – вспомнила свой животный испуг, и безудержный смех накрыл меня лавиной, я хохотала до судорог в животе.

– Мы не ушли тогда, мы за срубом спрятались. Видели, как ты вдруг помчалась, только грязные пятки сверкали. – добавила, сквозь хохот Даша.

– Однажды бабушка посадила меня гусят сторожить, а я не утерпела к Дашке убежала, наигрались, прибегаю, а вороны уже двух гусят сожрали. Бабушка не ругала меня, только просит, когда за маленькими гусятами присматриваю, к вам не бегать.

– Два гусенка! Моя бы бабка тебя прибила, – подметила Дашка, любуясь самодельным колечком из ивового листочка.

– Не сомневаюсь! – хорошо, что мне моя бабушка досталась, а не Дашина.

– А когда вы поругались и не ели вафли? – засмеялась Даша.

– Да, бабушка не разрешила вафли печь, газа в баллоне мало. Я к Лене пошла, она пекла, и мы поругались. Лена отказывалась есть, потому что тесто моё, а я – потому что газ Ленкин.

– Да вы как два осла, упрямылись. Я все вафли съела! Вкусные! – рассмеялась Даша.

– Ты помнишь, почему поругались? – спросила у меня, улыбающаяся Ленка.

– Нет, а ты? – она покачала головой.

– В прошлом году в бане духа вызывали, он, кстати, сказал, что ты, Ленка, в восемнадцать лет замуж выйдешь, четыре года гулять осталось. – напомнила Дашка.

– Да, какой банный дух? Это дед твой был! – возразила Ленка, ерзая на ветке, от неудобной позы у неё начали затекать ноги.

– Точно, Даш. Дядя Коля в трубу гудел, напугал нас до смерти, мы с криками из бани выбежали, а он за баней стоял и смеялся. – добавила я.

Пузырьки смеха опять поползли из живота вверх и громко лопались нашим безудержным хохотом.

– Вот, мы и выросли, и не заметили, как детство пролетело, – вдруг вздохнула Лена.

– Ага, выросли! Почему мы такие взрослые на дереве сидим и ржём, как дурёхи? – съязвила я.

Девчонки рассмеялись. Какое же это счастье, когда тебе четырнадцать, и у тебя есть лучшие подруги на всю жизнь, вы сидите на дереве и поёте песни любимой исполнительницы.

Линда «Мало огня»

*Это острые коготки,
Это тонкие лепестки,
Это тихое "не могу-у-у".*

*Это шепот усталых губ,
Это слабость усталых рук,
Это делай не только так-а-а-ак.*

*Это там, где бывают сны,
Это легкое "обними,"
Это делает нас одним.
Это больно и сразу нет,
Это ночью и там, где свет,
Это будет с тобой и мной. Ой-ой-ой-ой.*

*Это сделает нас огнем,
Это будет казаться сном,
Это ты – Это я.
И я, и я, я.*

*Это не сможет нас уберечь,
Это будут ожоги встреч,
Это ты – Это я.
И я, и я, я.*

*Мало-мало-мало-мало-мало огня
Я хочу еще немного больше
Мало-мало-мало-мало-мало огня
Разрешаю это значит можно*

Голосуй или проиграешь

ДДТ «Что такое осень»

*...
Осень, в небе жгут корабли,
Осень, мне бы прочь от земли.
Там, где в море тонет печаль,
Осень - тёмная даль.*

Что такое осень - это ветер

*Вновь играет рваными цепями.
Осень, доползём ли,
Долетим ли до ответа
Что же будет с Родиной и с нами.*

В прошлом году проходили выборы президента России. Борис Ельцин избирался на второй срок. И пусть мне ещё нет восемнадцати, я не имею права выбора, но мне, кажется, этот путь к свободе, который выбрала моя страна очень сложный, и избирательное право – это не просто право и привилегия, это ещё и обязанность. Я думала, за кого бы я голосовала. Против коммунистов это точно! Ни за что! Опять в СССР? Почему их вообще не запретили! До чего страну довели? Но если подумать, то запрещать партии, если ты действительно демократическая страна, как-то прямо скажу, не демократично. Может нужно было их ещё больше разоблачать? Все преступления, совершённые против своего же народа. Репрессии. Захватнические войны! Вот папа всю жизнь будет за них голосовать, это тоже как пить дать. Не понимаю даже тех, кто утверждает, что при коммунистах зарплату бюджетникам хоть и маленькую, но платили, при коммунистах они летали на самолёте в Самару, при коммунистах, конкретно «их жизнь была лучше!» Я помню портрет дедушки Ленина на стене в детском саду, утренники в честь дня рождения вождя, книжки с прекрасными иллюстрациями про маленького Володю Ульянова. Помню, как сильно плакала, когда нас не приняли в пионеры, потому что Союз распался. Мы – последние октябрята, но я не тоскую по прошлому, ещё бы мне четырнадцать, у меня все еще только начинается. Я даже сама могу баллотироваться в президенты в 2020м. По конституции любой гражданин России, достигший тридцати пяти лет, может стать президентом. Будущее всегда прекрасно, пока есть надежда и перспективы! Правда, сейчас многие верят, что в 2000 году будет конец света, а мне будет всего семнадцать. Не хочется даже об этом думать. Время есть.

Итак, кандидаты. Жириновский – прирождённый комик, многие считают политиков клоунами, так что люди ему симпатизируют. Но сколько я смотрела дебаты с его участием, я так и не поняла, когда он шутит, когда он говорит серьёзно.

Партия «Яблоко» в принципе мне симпатична, их основные лозунги адресованы вроде бы молодым, от них в президенты выдвигается Явлинский. Но то ли нет в нём харизмы, не знаю, его речи, кажутся, мне расплывчатыми, путанными и нудными. Вот тут хороший контраст с Жириновским, политик должен быть умным, обязательно, но обращаясь к избирателям, говорить простыми словами, ведь многие из них ориентируются на эмоции и интуицию при выборе своего кандидата. Хорошо, что выбирают с восемнадцати, у меня есть время разобраться.

Как пацифист, я не воспринимаю военных. Люди, выбравшие профессию беспрекословное подчинение, и даже убийство по приказам вышестоящих, вызывают у меня отторжение. А что, если президент-военный попытается устроить порядок, как в армии, с полным подчинением? Брр. Когда Сашка, мой единственный двоюродный брат пошёл в армию, его отправили в Чечню. Глядя как тётя Зоя превращается в тень, слова генерала Лебедея стали приобретать другой смысл. Я осознала, что возможно я ошибалась, потому что часто люди, познавшие горечь войны и боль утрат, как никто понимают

бессмысленность кровопролития и цену войн. Именно, Лебедь больше всех кандидатов высказывался о мире.

За Сашку мы очень переживали, армия после распада Союза и отсутствием финансирования представляла собой жалкое (я бы даже сказала душераздирающее,) зрелище. В Чечню везли срочников, молодые неподготовленные «солдаты» гибли, как мухи. До армии брат часто пел под гитару песни Цоя, мне очень нравилось. Хотя я и не понимала, зачем разучивать песни того, кто давно умер. Иногда Сашка горланил по ночам, мешая нам спать, тогда на следующее утро его настигала безжалостная месть, я прокрадывалась на цыпочках в его прокуренную комнату, брала гитару, и брэнча по струнам, орала не в ноты, не вникая в смысл слов:

*И две тысячи лет - война,
Война без особых причин.
Война - дело молодых,
Лекарство против морщин.*

После первого тура выборов генерал Лебедь оказался на третьем месте, я думаю, за него голосовали ещё и те, кто был против Зюганова и против Ельцина. И он предложил своим сторонникам голосовать за нынешнего президента.

Мои родители поженились в день смерти Брежнева десятого ноября 1982. Из-за траура по причине ухода в мир иной председателя президиума верховного совета СССР (Господи, сколько ж слов) обычным людям запретили радоваться жизни, и в ЗАГСе моих родителей не расписали. Но родственники из деревень и городов собрались в Казани, в кафе столы были накрыты, так что молодожены, обменявшись кольцами под мостом у реки Казанки, отправились к гостям на шумный веселый праздник.

Брежнев я вспомнила не случайно, пусть я и родилась через полгода после его смерти, но его образ вжился в память и анекдоты современников прочно. У Брежнева были густые брови, грудь в орденах, говорил он (точнее зачитывал) много, долго и нудно, чавкая и причмокивая, а ещё целовался в губы. Подытоживая, Брежнев равно застой! И вот в речи явно пьющего Ельцина, теряя былую пылкость, стали растянутыми и медлительными, отдаленно напоминая выступления Леонида Ильича (по крайней мере, мне). Может быть поэтому, а может быть, потому что жить становилось тяжелее, бандитизм процветал, зарплаты учителям и на заводах не выплачивают и т.п. (сейчас, собственно, ничего особо не изменилось), популярность Ельцина в народе стремительно падала. Папа утверждал, что Ельцин продан америкам, и они помогли устроить предвыборную кампанию, я про это не знаю, но для мне очевидно, что ставка на молодых была верной, именно новое поколение не стремится вернуть СССР.

Президентские выборы проходили летом. Ельцин еще перед первым туром подписал важный для нашей семьи указ о сокращении срока службы солдат срочников с двух лет до полутра. Для парней и их матерей полгода службы – это очень много! Только представьте на 183 дня, (умножим на 24 часа, на 60 минут), итого на 263 520 шанса вернуться с войны живым. Но увы, с войны никто «живыми» не возвращается.

Наш сосед – дед Макар рассказывал, что батя, вернувшись с войны, лупил их с братом за любую провинность так, что сидеть не могли неделями, и ходили хромя, что

ладонью хлестал не слабее, чем кожаным армейским ремнём с бляхой. И даже после этого, маленький Макар не жалел, что батя на войне не погиб, ведь во всем дворе всего у семерых отцы живыми вернулись. Этот факт, сам по себе, был предметом гордости и зависти. Мне всегда становилось грустно от рассказов старика. Жестокое эхо войны долго живёт неизлечимой болью в сердцах тех, кто её прожил, и тех, кто эту боль увидел в свидетеле войны.

Сашка вернулся прошлой осенью, и до сих пор трезвым мы его не видели. Он не просыхает уже девять месяцев, больше не зовёт нас «малявками», да и почти не улыбается. Говорит матери, что не может заснуть без водки, только алкоголь может выключить кровавые картины войны. Что там было нам он не рассказывает, даже песни Цоя больше не поёт, гитара так и стоит в пыли с 1 апреля 1995. Я всё думаю, почему молодые ребята должны умирать на этой войне, ну хотя чеченцы независимости, пусть. Татарстан тоже независимости хотел. Ельцин же говорил: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить!» Почему русские солдаты должны умирать, когда на нас никто не нападал? Отдавать долг Родине, если они не занимали? Кто эта Родина? Мать, сестры, родной город? У меня большие сомнения, что генералы и дядьки из Кремля вообще думают о людях и хотят, что бы нам жилось хорошо. Ведь еще живы те, кто сражался с фашистами, кто помнит и оплакивает родных погибших в сороковых, почему опять начинаются войны?

В людях, познавших войну, навсегда умирает что-то человеческое. Я помню глаза ветерана, который спустя пятьдесят лет, придя в среднюю школу по просьбе директора, вспоминал о погибших сослуживцах так, будто с ними погиб и он сам. Мирная жизнь выжившему солдату, кажется, картонной и хрупкой, ежедневные хлопоты и проблемы пустыми и бессмысленными. Побывав в аду, видя, как люди превращаются в животных, трудно найти место в мире, где люди пытаются жить по придуманным правилам и законам, искусно претворяясь людьми, не волнуясь и не заботясь, что ад совсем рядом.

И вот впервые в истории нашей страны, у русского народа появилось право влиять на свою судьбу, выбирать тех, кто будет вести корабль под названием «Россия» в океане времени. Это же круто! Тут надо подумать, попытаться разобраться и сделать правильный, на твой взгляд, выбор. Я хочу быть готовой, когда я достигну совершеннолетия.

Я люблю смотреть юмористическую передачу «Куклы», если новости уж совсем докучают, дебаты всегда смотрю с родителями. Политика в демократическом обществе – это наша жизнь, ты выбираешь политика, а он выбирает вести или не вести войну, и тогда твоего восемнадцатилетнего брата отправят/не отправят в горячие точки.

Ох, я опять отвлеклась, хотела рассказать, как голосовал дед. Но сами посудите, Ельцин явно подписал этот указ, чтобы поднять рейтинг, вроде бы отдалённый факт, а как он коснулся нашей семьи. И несмотря на то, что Лебедь подписал мирные соглашения (или как-то по-другому они официально назывались) уже 31 августа 1996, это означало конец войне! И многие облегченно вздохнули. Мир.

Перед вторым туром я была больше настроена на «против всех»! Ельцин мне казался меньшим злом, чем Зюганов, но своё мнение старшим не навязывала. В день выборов бабушка нарядилась, как на кладбище. На кладбище она всегда надевала самое красивое бордовое хлопчатобумажное платье в цветочек и яркий шелковый платок, потому что там вся деревня будет. Видимо и выборы в сельсовете такое же значимое событие. Дед на кладбище по православным праздникам никогда не ходил, но на выборы тоже достал

парадную кепку, пиджак по последней моде шестидесятых, новые калоши и пошел в сельский клуб исполнять свой гражданский долг. Вернулся он скоро и явно подшофе, улыбаясь во все свои пластмассовые зубы.

– Проголосовал? – подразумевая «выпил, да?».

– Проголосовал! Угадай за кого?

– Да, за кого вы тут все? За Зюганова? Бабушка яростно верит только в бога и коммунистов.

– Нет! За Ельцина!

– Ух ты. Как это ты передумал?

– Легко! Нас, мужиков, в кинозале собрали, налили по рюмке и сказали за Ельцина голосовать.

– Эх, дед! Как же так? Ты же моё и Лизкино будущее за рюмку водки пропил! Хоть бы две попросил!

Дед залиvisto рассмеялся.

– Я не знал, что можно было вторую попросить! Не догадался. Видишь, какая вы молодёжь нагл... умная! – поправился он, а потом вдруг стал серьёзным и добавил:

– Так ведь мы не умеем выбирать-голосовать! Всегда начальство говорило: «Кто за?», и это означало, что надо руку поднимать, и кандидат тоже только один, которого председатель назовет! Хорошо, что вы ... другие! На следующих выборы ты уже, и сама пойдешь, и проголосуешь, как надо!

– Да не сомневайся! Проголосую! А бабушка где?

– Бабушка твоя на том конце деревни с глухими старухами болтает, выйди на крыльцо, услышишь! Этих глухих старух на всю деревню слышно.

Вид с нашего крыльца захватывает дух. Деревня расположилась на двух пологих холмах, разделенных речкой. Из наших окон прекрасно видно противоположный берег реки Бурнайки, где среди поля, в ровной круглой посадке находится... кладбище! В детстве мне часто мерещились покойники, блуждающие призраки между крестов и деревьев. Но спустя годы отношение к месту погребения предков у меня изменилось. Я перестала бояться старых могил и покосившегося забора, кладбище оказалось местом силы, будто всё что осталось от мощей ушедших в небытие прадедов и прабабушек – это я, именно там, осознаю, себя звеном цепи от прошлого в будущее.

«Бабуль, а ты за кого голосовала?» – спросила я бабушку. «За Зюганова! Коммунистов мы знаем. А новая власть что? Колхозы развалили? Денег нет. Стадо колхозное в четыре раза меньше нынче! Спекулянты только богатеют. Вон, бывший председатель колхоза кирпичный дом отстроил, откуда деньги?» «Колхоз обворовал?» – предположила я. «Нет, в колхозе нет денег, убытки одни, я на все собрания хожу! Деньги у него от магазина, который в своём доме же и открыл. А палённую водку у него всё село покупает и день и ночь торгуют. Железное окно в двери сделали, чтобы ночью через него спиртное отпускать!» – пояснила бабушка. «Бабуль, на любой бизнес нужен первоначальный капитал, может бывший председатель колхозные деньги и не брал на первую закупку, может честно скопил сам. Что плохо в том, что он в Казань съездил закупил сахар, соль и порошок стиральный, прибавил к цене стоимость бензина, потраченного на дорогу и свою наценку добавил. Зато у вас в селе и лимонад купить можно. Это бизнес называется! И ничего плохого в этом нет!» «Это спекуляция называется! И всю жизнь нас

учили, что это криминал!» – спорила бабушка. «А колхоз разве хорошо? Ты же сама рассказывала, что прадед от коммунистов мешки муки в реке прятал. Раньше никто в колхоз не хотел ни свою землю отдавать, ни работать! Почему ты сейчас колхоз хочешь? Не понимаю!» «Я родилась колхоз был, всю жизнь в колхозе проработала, есть, слава Богу было что, деньги на карточку откладывали. А сейчас землю раздали мне и Шурке по 4 гектара, и что мы на них пахать пойдем? За трактор плати, за семенами следи, чтобы не украли, не проросли, не сгнили! Продавай сам. Работникам плати. Раньше все сообща трудились. А как сейчас жить не понимаю, старая я. Лучше уж как было при коммунизме!» «Как раньше уже быть не может, молодость твою никакие коммунисты не вернут. Да и, как было-то? Ваши сбережения в банке обесценились все, а там на жигули хватало.» «Это тебе родители рассказали?» – я кивнула. «А тебе за Ельцина разве не предлагали рюмку водки?» «Нет, мужикам только!» – отмахнулась бабушка. Я даже не поняла, с досадой она это сказала, или с презрением. Она и сама растерялась, считать ли «подкуп алкоголем» привилегией для мужчин или, наоборот, женщинами сложнее манипулировать? Любопытно! Ельцин в том году победил на выборах, только много говорили о фальсификациях. Но это вы и без меня знаете... Придёт наше время, мы сделаем верный выбор!

Дышите равномерно

Мы с Дашкой зачарованно следили, как Ленка наносила на ресницы вторую тонну туши. Потом она взяла металлические щипцы из набора «приборы для средневековых пыток», стала закручивать ресницы. Я поерзала сидя на диване, опасаясь, что сейчас она выдерет все до единой реснички. Но Лена ловко управлялась щипцами, и её безупречный макияж нуждался в последнем штрихе.

– Красота требует жертв, – улыбнулась Лена, глядя на наши ошарашенные лица.

– Они точно не выпадут? – спросила я.

– Конечно, нет. Хочешь попробовать?

– Нет, спасибо.

– Иванов сказал, в клубе музыки сегодня не будет. Молодежь соберется в заброшенном доме у огородов, у Женьки Маркова ключи есть. Он магнитофон импортный купил и новую кассету офигенной группы из Тольятти привёз, – поделилась планами на вечер Даша.

Лена была в белой капроновой блузе, голубых джинсах и джинсовке с ремешком. Пшеничные волосы, уложенные в аккуратный «горшок» и надёжно зафиксированные лаком так, что никакой ураган и даже торнадо, если б Лена в него попала, не испортил бы её причёску. Я надела салатовую мини-юбку-резинку, на белый лифчик белую кофточку-сетку, которую еще бабушка Тамара связала для мамы крючком. Этим летом в моду вошли кружевные комбидрессы, белые или черные, и даже в деревне в них щеголяли девицы, так что моя кофточка двадцатилетней давности смотрелась современно. Прозраченько. Сверху джинсовка, потому что ночи прохладные. Дашкины стройные бедра облепляли

черные джинсы, сверху – блестящая кофточка и серая ветровка. Раньше у нас с Лизой была игра «платье на Оскар», мы находили старые занавески, простыни, мамины старые платья или юбки, заворачивались в них и представляли, как идём по красной дорожке на церемонию вручения «Оскар» в Голливуде. Думаю, если бы Чув.Бурнаево в тот вечер вручали премию самым красивым, мы бы не упали в грязь лицом, мы были на высоте.

Женька Марков приходился мне четвероюродным братом, но по какой ветке, я всегда забывала. Он звал меня «сестренка» и всячески оберегал от нежелательных ухажёров, так он мне рассказывал. Женя привёз кассету еще не известной, но быстро набирающей популярность группы «Руки Вверх» «Дышите равномерно» и весь вечер крутил её по кругу. Мальчишки расселись по старым диванам и подоконникам, девчонки стучали каблуками в центре комнаты. Когда в избе становилось жарко от дыхания разгорячённых молодых тел, мы выбегали охладиться на улицу, кто-то курил, мы верещали о всяких глупостях. Оксана рассказывала, что поступила на повара. Она светилась от радости. У меня скрутило живот, от родителей так и не пришла телеграмма с результатами вступительных экзаменов в лицей. Но тёплый летний ветерок развеивал тревоги, танцуй пока молодой, и мы закачались в танце.

«Руки вверх» «Двигай телом»

*У меня сейчас одна проблема:
Научить тебя двигать телом.*

И когда тебя научу я -

Мы с тобою потанцуем!

*У меня сейчас одна проблема:
Двигай телом!*

Кассету зажевало, и пока Женька раскручивал пленку, пользуясь моментом, к нам подошёл парень в спортивном костюме.

– Привет, красавицы. Можно с вами познакомиться. Меня Саша зовут.

Ещё один Саша, в этой деревне явно проблема с фантазией на имена.

– Я Лена, – Морозова кокетливо склонила голову.

– Даша.

– Тамара. Расчет окончен.

– Что? – не понял моего искромётного юмора Александр Четвертый. (Первый мой дед, второй двоюродный брат, третий Макаров, этого я окрестила четвертым).

– Шутки у меня такие, – добавила я.

Дальше, следуя местному церемониалу, мы рассказали кто откуда. Саша четвёртый оказался тольяттинским. Если и существует любовь с первого взгляда то, мы с Дашей стали свидетелями этого редкого чуда. Потому что Саша глаз с Лены не сводил, а она нервно хихикала чаще чем, обычно. А после медленного танца новоиспеченная парочка испарилась, заставив нас верных подруг изрядно понервничать. Мы ведь в ответе друг за друга. Мы оббежали двор, все лавочки округи, канавы и овраги, сеновалы и дровяники, и наконец, нашли влюбленных за почтой, где Саша придерживал, склонившуюся над пышным кустом полыни, Елену Прекрасную.

– Что с ней? – испуганно спросили мы почти хором.

– Плохо стало. – объяснял Саша.

Он производил впечатление порядочного молодого человека, который не воспользуется беспомощностью перепившей девушки. Но мы, были бы не мы, если б доверяли каждому встречному Сашке, даже на вид порядочному. Даша подхватила подругу справа, я, отпихнув Александра локтем, слева, и потащили героиню вечера к колонке, где умыли ледяной водой. Надо отдать подруге должное, легендарный макияж не дрогнул. Лена не потеряла своего лица даже в такой щепетильной ситуации.

– Девчонки, давайте я помогу. – предложил Саша.

– Помог уже! Какого лешего, ты её спойл! Она же пить не умеет. – предъявила Даша.

– Я не спаивал, она с Оксанкой и её бандой «махнула» за поступление, – оправдывался он.

– Куда вы меня тащите? – пробубнила Лена.

– Куда? Домой! – ответила Даша.

– Мне нельзя такой домой, можно я тут посижу, – малолетняя жертва алкоголя указала рукой на какой-то пенёк.

– Уже поздно, нам самим домой пора. – Дарья постучала пальцем по циферблату наручных часов.

– Девочки, давайте я с ней побуду, – предложил Александр.

Мы с Дашей переглянулись.

– А можем ли быть уверенными, что ей не воспользуешься? Учти, она несовершеннолетняя!

– Ага! Статья уголовного кодекса РФ! – добавила Даша.

– Если с ней что-то случится, мы тебя найдем, – пригрозила я.

– И уроем! – Даша сделала очень суровое выражение лица, я с трудом сдержала смех.

– Вижу, вы хорошие подружки! – засмеялся Сашка, – Клянусь, я с ней побуду и провожу до дома, никто её никуда не уведет, я тем более.

– Мне уже лучше, идите девчонки, – пробормотала Лена.

– Ладно, на тебе вся ответственность! – согласилась Даша.

– Береги Ленку, как зеницу ока. – поддакнула я.

Бросив на Александра Четвертого многозначительные придирчивые взгляды, мы оставили нашу треть с ним.

«Руки вверх» «Здравствуй»

...

Позови меня, не гони меня,

Где бы не был я

Ты найди, найди меня.

И бог хранит одну, одну тебя.

Обними меня,

Расскажи, как ты жила,

Что ты больше не могла

Без меня прожить ни дня, ни дня.

Сироты

Двенадцатого июля – День святого Петра и Павла, а также именины бабушки Оли, был особой отметкой в календаре. Это день, когда мы привозили сено домой. Дед договаривался с трактористом, если сена было больше, чем вмещалось в прицеп, искали лошадь с телегой. Каждому помощнику щедро платили самогоном и полным столом угощений.

А когда сено привезено и разложено стогами по местам, запасы на зиму скотине готовы, а до сбора урожая и выкапывания картошки времени много, дед, а порой и бабка отправлялись в запой. Эти периоды абсолютной свободы и самостоятельности, имели и плюсы. Мы могли гулять допоздна, главное не забывать выпускать корову в стадо утром. Вечером доить корову помогала соседка, притронутся к мягким вытянутым соскам сама я не решалась, да и корова могла опрокинуть ведро с молоком копытом, а связывать ноги я не умела. Мы варили корм свиньям, в котел бросали картошку, овес и заливали водой, разжигали дрова, а потом мяли варево в пюре. Чистили двор от коровьих лепешек и гусиных батончиков. Как-то раз затопили в кухне печь, чтобы испечь хлеб. Дрова разгорелись, и дым повалил в комнату, глаза начало резать, и мы с Лизой очень испугались. Тут забежала бабушка, пробралась сквозь черный густой дым, выдвинула на печи самую верхнюю задвижку, и дым потянуло в трубу. Надо же, у печи оказывается три задвижки. Когда бабушка пила, лицо её опухало, растрепанные волосы торчали из-под платка, от неё пахло кислым запахом браги, но даже пьяная она никогда нас не ругала. Вот и теперь села на сундук закрыла лицо руками и зарыдала.

– Ох, сироты вы мои! Все мы сироты! Шурка без отца и матери, мой отец с войны не вернулся, мы работали все время, некогда было детей нянчить, у вас хоть и живы родители, но водка забрала их, так считай и нет их. Твой отец, когда маленьким был обещал мне пряники каждый месяц покупать, – вспомнила бабушка.

– Ладно, бабуль, у других ещё хуже. Нам, можно считать, ещё повезло. Я поступлю в лицей, потом в университет окончу. Потом работать буду много, хорошие деньги получать, привезу тебе целую гору свежих пряников самых вкусных. – пообещала я.

– Ох, боюсь, к тому времени, у меня зубов совсем не останется, нечем жевать их будет.

– Я такие привезу, которые во рту растают.

Бабушка улыбнулась, от неё повеяло перегаром.

– Ох, прости, внученька! Прости нас, старых, – и покачиваясь на своих кривых ногах, словно подбитая раненная утка, она вышла из дома.

Меня поразили её слова, и действительно ощутила, как волна безграничного одиночества накатила на моё сердце. Телеграммы от мамы я так и не получила. Они не звонили и не прислали никаких гостинцев с Марковыми (те, недавно приехали из Казани). У Лизы день рождения прошел без подарков и торта. Я испекла оладьи, купили и полторашку лимонада, открыли банку варенья вот и весь день рождения. Что они там делают? На нас у них никогда нет времени, нет денег, но на гулянки, водку и пиво находятся.

Кто мы? Чтобы осознать это мы должны знать историю своего рода, историю своей семьи. А что мы знаем?

В нашей семье много тайн и нестыковок. Хочу поделиться историей нашего семейства, предупреждаю, никакой родословной, восходящей к ветви рюриковичей вы тут не найдете, так что судите сами, где правда, а где выдумка.

Моя мама родом из деревни Болховка, сгоревшей в конце шестидесятых до тла, ни единого дома не осталось, когда маме было три года. По версии утвержденной родней, подожгли её мамини подруги, которые пекли блины. Бабушка Тамара была фельдшером, после того как село сгорело, она с мамой уехала в Казань и устроилась в Шамовскую больницу, где и проработала пока не заболела. Мамин папа, она зовёт его папкой, три года служил, а потом вернулся и развелся с бабушкой, женившись на женщине моложе его на десять лет и старше мамы на десять лет, считаем, дед должен был прожить с мамой и бабушкой минимум лет пять. Бабушка же заболела, что-то с суставами, несколько лет практически не могла ходить, и умерла очень рано, когда маме исполнилось восемнадцать, за год до моего рождения. Поэтому меня и назвали в её честь, Тамарой.

Не знаю, как вы, но я отчётливо помню момент, когда осознала, что смертна. Мне было шесть лет, я достала ртутный градусник из подмышки, серебристая полоска доползла до сорока. Я посмотрела на маму и спросила: «Я умру?!» Она неестественно засмеялась: «Нет! Ты что! Ты будешь жить долго, как прабабушка ей почти сто лет!» Затем суетливо раздела меня и обтерла уксусом, который казалось, зашипел на моей горячей коже и едкий запах заполнил крохотную комнату. Через неделю я благополучно выздоровела, но я стала чаще задумываться, почему я родилась, почему я именно я, есть ли в этом смысл?

Только представьте, дедушка Толя (мамин папа) родился в начале апреля тысяча девятьсот сорок второго года, а прадеда Данилина Алексея призвали, как и многих двадцать второго июня по общей мобилизации на войну, с которой он не вернулся. Сначала считалось, что он пропал без вести, потом получила прабабушка известие, что он в плену у немцев. Недавно всем подарили книгу памяти со списками всех мобилизованных по Татарстану, со ссылкой на документы, и в списках погибших в плену прадеда нет. Я очень рада, что мы взрослеем во времена гласности, и смело могу предположить, что скорее всего после освобождения из плена прадеда расстреляли свои же. И тогда, получается, что моего деда зачали в последнюю ночь перед уходом на войну, что дед, будучи восьмым ребенком в семье, чудом выжил в самые голодные военные годы. Встретил мою бабушку Тамару, и хоть их счастливая семейная жизнь и не сложилась, но появилась мама, а потом и я. Не случайность ли?

Но и свадьба бабушки и деда не случилась бы, если бы отец бабушки ярый коммунист не оказался рьяным националистом, и согласился бы на брак бабушки Тамары с её избранником чувашем. Говорят, когда Леонидом (по чувашскому обычаю это что-то вроде помолвки) украл бабушку, но прадед Филипп Васильевич пришёл с ружьем в дом жениха и вызволил дочь. Бабушка Тамара умерла за год до моего рождения, и я не могла спросить её, но почему-то мне кажется, что Леню она любила. Леонид вскоре после рождения мамы погиб в аварии. И самое удивительное, он был родным дядей моего папы. Вот такие хитросплетения судеб, мама считала, что сама судьба свела их после неудачных попыток в прошлых поколениях. Звучит, безусловно красиво, но, с другой стороны, когда люди живут в соседних деревнях, то само собой получается, что все друг друга знают.

У мамы большой прямой нос, если бы не черные кудри от химической завивки и круглые голубые глаза, я бы подумала, что она цыганка или дочь вождя индийского племени. У всех Данилиных были такие носы, и на шумных семейных посиделках, они вспоминали прабабку, у которой нос свисал до подбородка, а она говорила, что нос у нее не большой, вот у её прабабки нос под старость касался груди. Моя бурная детская фантазия красочно рисовала моих носастых предков, и я с радостью отмечала, что носы у нас из поколения в поколение уменьшаются. Ещё среди дедовой родни существовал миф, да и сам дед на мой вопрос: «Ну, почему ты столько пьешь?», цитировал свою девяностолетнюю бабку, которая постоянно пила и всем отвечала: «Я много пью? Доживи до моих лет, ковшем самогон пить будешь!» Никто не вдавался в подробности, но, судя по всему, эта была та самая носатая прабабка-философ, которая явно умела дать отпор обществу и родственникам, в частности. Пожалуй всё, о своих корнях по деду Толе (мамином отцу) я больше ничего не знаю.

У прадеда коммуниста Филиппа Васильевича и его второй молодой жены Кузнецовой Марии Никаноровны рождалось много детей, но все умирали в первый год жизни, пока не родилась моя бабушка. Бабушка Тамара была старшей из пяти сестёр, по фотографиям больше всех внешне на бабушку похожа тётя Галя. Но самая добрая и гостеприимная – тётя Люся, и я глубине души, я надеялась, что бабушка Тамара была бы такой же. Когда мы приехали проститься с прабабушкой, и в день похорон собралось очень много родни, мне было пять лет, я залезла под стол и проползла до единственного свободного места. Я уселась на табуретку и начала есть блины с мёдом, которые лежали нетронутыми на тарелке, убрав кусок хлеба со стакана, я отхлебнула и поняла, что гулкий шумный рой родственников умолк, все взгляды, переполненные страхом, устремились на меня. «Что спеть?» – спросила я, взрослые обычно просят спеть или прочесть стихи. И тут кто-то нашёлся и выкрикнул: «Тамарочка с прабабушкой покушала! Хорошо это! Дайте ребенку другую тарелку!» Оказалось, я съела еду, которую покойнице поставили. Станный обычай. Хорошо, что петь не надо.

Все наши родственники по бабушке живут в Тольятти, мы одни в Казани. Я люблю ощущать себя частью большой семьи. Когда приезжаешь в Тольятти, ходишь по гостям, слушаешь новости, обросшие небылицами и домыслами, гадаешь кто из наших начнет драку на следующей свадьбе. А на свадьбу маминной двоюродной сестры Маринки папа привез учебные просроченные ракеты, наш сосед из танкового училища отдал. Друзья жениха запускали уже порядком охмелев, и одна ракета попала в окно на девятом этаже. Потушив дружно занавески и ковер на стене, успокоив хозяев, отдав им немного денег, собранных для молодых, и пол-ящика водки, счастливые все разошлись ещё до прибытия пожарной. Был это не то 92-й, не 93-й, законов про запуск ракет во дворе не было, так и осталось это происшествие семейной байкой.

Странно, но построить геологическое древо (со своей дислексией, всегда с опаской пишу это слово, боюсь спутать с гинекологическим) глубже, чем до четвертого колена я не смогла.

Появление на свет моего деда по папе тоже большое чудо. Дед моего деда был кулаком, старостой деревни, очень трудолюбивым и зажиточным крестьянином. В семейном альбоме даже имеется фото. На лавке перед домом сидит бородатый старик в лаптях и рубахе, как в сказках. Руки на коленях, взгляд сквозь века прямо на меня, его

потомка. В Сибирь его не сослали, потому что был он уже в очень преклонном возрасте, когда началась коллективизация земли. А вот дочь его сослали, именно там моя прабабушка встретила отца деда Саши, кто он и откуда, осталось тайной. Самое удивительное в этой истории то, во что мне очень сложно поверить, что пятилетнего деда прабабка посадила в поезд на запад страны одного, и он как-то с помощью попутчиков добрался до нашей деревни.

«Маму я едва помню, каждый вечер она повторяла: «Запомни, тебя зовут Кофонов Александр Афанасьевич, отца – Кофонов Афанасий Петрович, ты едешь в ТАССР, село Чувашское Бурнаево к Давыдовым.» Дед утверждал, что в Улан-Удэ действительно имеется запись о его рождении, но на месте составили новые документы, где указали возраст деда на глаз, он спорил, что на два года старше, чем указали в свидетельстве о рождении, а маленький он, потому что в Сибири есть нечего было, вот он плохо и рос.

Деду дали кличку хохол, потому что он лучше всех в деревне солит сало, непривычная для наших мест фамилия, и более славянская внешность: нет широких скул, как у многих чуваш, нет кустистых бровей и глаза его голубые, а не карие. Государство безжалостно уничтожало людей, десятилетиями стирала личные истории каждого из нас, мы не знаем, кем были наши предки, и кто мы сами? Без памяти предков люди теряют мощную силу самосознания, важность себя и своего присутствия в этом мире. Но мне хочется верить, что мои предки оберегают меня, и живут во мне, пусть крохотной частью генетического кода.

В молодости дед был главным конюхом в колхозе, и парни часто обращались к нему за помощью, чтобы украсть невесту.

«О! вот бабка идёт видишь? Петровна! Я когда ее воровал, перекинул через лошадь, юбки у неё задрались, а трусов после войны не было, дефицит, так и провез её с голым задом через всю деревню!» – рассказывал мне дед и смеялся каждый раз, когда несчастная Петровна проходила мимо нашего дома.

При мне дед работал в колхозе прорабом на лесопилке и плотником. Небольшой группой рабочие распиливали дерево на доски, так же дед сколачивал гробы.

«Дед! Ты что пьяный?» – нарочито ругалась я. «А сегодня одна старуха померла, мы гроб делали! Вот и налили! Люблю я, когда старухи помирают!» – хихикал дед.

«Это ужасно!» – вздыхала я, осознавая, как низко падают люди из-за пристрастия к алкоголю.

Бабушку мою зовут Ольга Моисеевна. Когда началась Великая Отечественная, ей было двенадцать. На 50летие со дня победы бабушке вручили орден ветерана труда. Она очень трудолюбивая и бережливая. Она никогда не выбрасывает остатки еды, мы бросаем их свиньям. Деньги она копит и при первой же возможности покупает муку. Как-то раз смеясь, я спросила: «Ну, бабуль, куда тебе столько муки. В амбаре это уже тридцать мешков!» А она совершенно серьезно ответила: «А вдруг война!» И тогда я ощутила под кожей леденящий ужас! Страх человека, познавшего муки голода. Я возненавидела войну всем сердцем, она не просто отвратительна, она не оставляет выживших. Те, кто видел войну, живут с ней и передают свою боль и страх своим детям и внукам. Я ненавижу войну, когда вижу бабушку, которая плачет, над двумя строчками в книге памяти. Строчками с фамилией прадеда и её брата Семёна, который погиб рядовым под Сталинградом от ранений. Я ненавижу войну, когда мой городской дед рыдает, как ребёнок: «Я так ждал

папку с фронта, так ждал! Я не видел его никогда! Ни одной фотографии!». Я ненавижу войну, которая идет сейчас в Чечне. Я ненавижу любую войну! Войны рвут семьи на куски, и залатывать дыры приходится мирными поколениями долгие-долгие годы.

Столько роковых случайностей, столько встреч, историй любви и разлук стоит за рождением человека. Для меня день рождения – большой праздник! Мой день и день всех, кто будет после меня.

Не скучные ночи

Владимир Маяковский
ПОСЛУШАЙТЕ!

Послушайте!
Ведь, если звезды зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — кто-то хочет, чтобы они были?
Значит — кто-то называет эти плевóчки жемчужиной?
И, надрываясь
в метелях полúденной пыли,
врывается к богу,
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит —
чтоб обязательно была звезда! —
клянется —
не перенесет эту беззвездную мýку!
А после
ходит тревожный,
но спокойный наружно.
Говорит кому-то:
«Ведь теперь тебе ничего?
Не страшно?
Да?!»
Послушайте!
Ведь, если звезды
зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами

В этот вечер Дашку в клуб не пустили. Острый бабушкин нюх подсказал, что непокорная внучка курила. Кофта вчера предательски пропахла табачным дымом, с такими уликами не поспоришь. Наши уверения, что курили парни, а мы мимо проходили, на бабушку не произвели никакого впечатления. Я представила, если б баба Нюра с её обонянием и талантом могла бы стать великим парфюмером, создавая уникальные ароматы. Внимание нишевый парфюм от бабы Нюры. Духи «Доярка после ночной смены» – запах парного молока, легкую вспышку утренней прохлады, свежесть росы на полевых цветах. Или аромат для мужчин – «Комбайнёр», в нём вы услышите яркий запах солянки, тонкие ноты самогона и терпкий штрих табака. Дед мой, кстати, сам табак выращивает. Листья сушит, рубит и делает из газет, самокрутки. Он и для туалета газету режет такого же размера, как на папироску. Чтоб не шиковали. Экономный. Иногда мне кажется, что бабушка покупает и прячет конфеты, которые мы с Лизкой всегда находим и съедаем, не от нас, а от деда. Чтобы дед не ворчал, что внучки его объедают. Хитро. Ай да, бабушка.

Ладно, шутки в сторону, но без Дашки скучотища скучотная. Я ей предлагала через окошко сбежать, но она отказалась, потом ещё хуже будет, да и уморила её поручениями и трудом бабушка за день, что сил нет. Ох, как же меня раздражают вредные старушки, своя молодость прошла, им и завидно. А у нас каждый вечер на счету, лето пролетит, не успеешь и глазом моргнуть, а с ним и годы молодые. МЫ ЖИТЬ ХОТИМ! Ленка пошла гулять с Сашкой, за такое не упрекают. Я сидела с Олесью на лавке у амбара макаронной бабушки. Старые посеревшие бревна сруба были исцарапаны инициалами всех представителей местной субкультуры от десяти до двадцати лет. После двадцати трех лет молодые люди заслуженно считались «старыми» для клуба, ибо им пора заводить семью и завязывать с разгульной ночной жизнью. МАА, МАЕ, ЕНК и многие другие. Почти у самой крыши скромно выцарапаны и наши: КТН, ЕДА и МЕР. Кофонова Тамара Николаевна, Емелюкова Дарья Александровна и Морозова Елена Петровна. В нашей деревне существовали кланы: Марковы, Макаровы, Емелюковы, Ензаевы, Еликовы, Козыревы, Дулатовы и редкие фамилии, как правило, когда деревенская девушка вышла замуж за не местного. Или Верфель, Винтер – потомки поволжских немцев. Красивые короткие фамилии, их никто по имени не зовет никогда. У нас тоже в роду немцы были, но звучной фамилии не сохранилось. Так что разгадывание инициалов было забавной игрой, и сложнее было угадать тех, у кого более распространённая фамилия. Олеся, как и многие девочки, рожденные в 1981 году, стала жертвой любви к всесоюзному хиту ВИА «Песняры» «Сябры».

*Живёт в белорусском полесье
Кудесница леса Олеся
Считает года по кукушке
Встречает меня на опушке*

Олеся, Олеся, Олеся,

*Так птицы кричат.
Так птицы кричат.
Так птицы кричат в поднебесье
Олеся, Олеся, Олеся,
Останься со мною, Олеся,
Как сказка, как чудо, как песня.*

С Олесей, естественно, нас познакомила Даша, их мамы вместе работают в деревенской школе. Сначала я невзлюбила Олеся, из-за лютой ревности, одна мысль, что Даша может дружить с кем-то ещё, приводила меня в негодование, хотя мы с Леной в городах имели пару тройку верных любимых подруг. Но потом, познакомившись ближе, я оценила легкий нрав хохотушки Олеси из чувашского полесья. Она была постарше нас и просвещала нас о деревенских тайнах. Деревня – это ещё и уникальное социальное явление, община, в которой живут семьи из поколения в поколение, склоки, ссоры, разборки, любовь, дружба и драмы из поколения в поколение обрастают крепкими нитями. Это как в сериале, иной раз ты не знаешь, что было в предыдущем «сезоне». А Олеска в курсе, расскажет чью маму мой отец провожал в каком году, и так далее.

Так что даже, если ты уехал из деревни, деревня всегда в тебе. Все эти люди, всегда будут считать тебя «своей», «из нашей деревни», это удивительное чувство.

Олесина мама работает учителем русского языка и литературы, Олеся прекрасно говорит по-русски, заслушаешься. Как она сама выражалась: «Попробуй у мамы четверку получи! Дольше всех за уроками сажу!»

– Как же хорошо видно ковш! – любясь созвездием, сказала я.

– Есть ковш, самогон будет! – звонко рассмеялась над собственной шуткой, Олеся. Она не сразу заметила, что мне не смешно.

– А самогон причём? – не поняла я.

– Ну, ты тормоз. Из ковша наливают, а самогон жидкость, – она снова хихикнула, а потом вдруг серьезно посмотрела на меня и спросила:

– А у вас с Сашкой что-то есть?

– Нет, ты что? – испуганно отрекалась я.

– Это хорошо, а то он ко мне подкатывать начал, а тут ты.

– Что я?

– Тамара, ты всегда так тупишь?

– Нет, не всегда, – честно призналась я, и добавила:

– Просто я о звёздах задумалась. Красиво! Так ты теперь с Сашкой? У него же отпуск всего месяц, что потом? Ждать будешь? Письма писать?

– За месяц многое успеть можно, посмотрим!

Олескин смех зазвенел колокольчиками, эхо подхватило его и понесло по деревне.

– Кому тут так весело? – из темноты проявились два силуэта в джинсах и толстовках на молнии с капюшоном.

Местные говорят по-русски, с едва уловимым интонационным акцентом, лишь изредка переходя на чувашский, из уважения к приезжим. Я всегда досадовала, что ни папа, ни бабушка не привили меня к языку. Однажды мальчишки научили меня паре матерных слов, я обнаружила, что слова «спасибо» и «мужской половой орган» на

чувашском звучат очень похоже. Языки шли у меня туго, и я всегда путала эти два слова. Я с ужасом понимала, что опять сказала не то, когда старушки на лавочках, пожелавшие мне здоровья, в ответ слышали... совсем не спасибо. Спасало, что слышали они плохо, а говорила я тихо. Так что, округлив глаза и переглянувшись, они лишь пожимали плечами.

– Вспомнишь кое-что, вот и оно, – шепнула я Олеся, потому что к нам подсели двоюродные братья кузены-Макаровы Саша и Андрей. Саша был местным, а Андрей с младшей сестрой Таней приезжали из Ульяновска. Андрея все звали Дрончик, как и все братья Макаровы он смуглый и кареглазый, с темными смоляными волосами. Но глаза у него были большие, круглые, нос не острый, а картошкой, и мягкие пухлые губы. Стригся он под 3 миллиметра, модная (среди гопников) прическа подчеркивала размер его ушных раковин. Но несмотря на вид уличного парня, Андрей был весьма интересный собеседник и хороший друг. Прошлым летом он несколько раз провожал нашу Лену, но ничего серьезного у них не вышло.

– О! Какие люди! Это мы. Олеся и Тамара!

– А, Тамара! Мы знакомы! – ухмыльнулся Сашка.

Я горько жалела, что под рукой у меня нет кирпича! Очень уж эта самодовольная физиономия его просила.

– Да, познакомились при очень НЕПРИЯТНЫХ обстоятельствах. – съязвила я.

Тут я возгордилась, ибо и словом можно стереть нахальную улыбочку с лица самоуверенного самца. Раздражают бабники-«красавцы», которые уверены, что все девушки о них мечтают.

– Выпить у вас есть чего? – без особой надежды в голосе спросил Сашка.

– Мы не пьем! – отрезала я.

– А ты уже все отпускные деньги пропил? – удивилась Олеся.

– Значит, будем скучать! – вздохнул солдат срочной службы на побывке.

– Почему сразу скучать? – возмутилась я.

– А что делать? Музыки сегодня не будет, Петряков в запое. Ни кино, ни бильярда здесь нет. Ни шампанского, ни водки!

– Без алкоголя тоже можно веселиться.

– Да, и как? – все трое уставились на меня.

– Пошлите на кладбище!

– Это ты называешь весельем?

– Сейчас? Ночью? – громко засмеялась Олеся над моей бредовой идеей.

– А пошлите, – поддержал Андрей.

– Не, вы что? Просто пообщаться можно. – начал отнекивался Саша.

– Что зассал? – это был вызов, и Дрончик, который этим летом и сам пил каждый божий день, улыбнулся.

Мы перешли через реку разувшись. Саша галантно перенес Олеся на руках. Поднимаясь по холму к цели, все старались отвлечься и дружно смеялись над анекдотами Андрюхи. Но с каждым шагом, наша странная компания становилась тише. Ворота оказались закрыты, перекрученной проволокой, я попыталась открыть, но раскрутить в темноте оказалось трудно.

– Там дыра в заборе, давайте через неё пролезем, – предложил Андрей.

– Ой, нет, там крапива! – резонно апеллировала Олеся.

– А что нам крапива? Мы все в джинсах, — заметила я.

– Точно!

Саша взял Олеся за руку, я почему-то подумала, что это не порыв нежности, а испуг.

– Ну, что ведают ли страх доблестные десантники России? – провоцировала я.

– Чтобы Олеся не упала, тут же ямы да бугры везде! – ответил джентльмен.

– Не бугры, а могилы, – хмыкнула я.

Не то, чтобы я была бесстрашной, но все происходящее мне казалось нереальным, как будто я смотрю и учувствую в кино. Страх догонит мне позже. Олеся начала причитать и ахать.

– А-а-а-а! – Сашка, споткнувшись, издал жуткий вопль.

– Моя кисть, – простонала Олеся, падая, Александр сильно дернул её за руку.

– Что такое? – спросил Дрончик, было заметно, как он оживился, всегда спокойный как океанское дно, он вдруг пустил глубинный волны.

– Дед меня зовет! – прохрипел Сашка.

– Вы точно трезвые? Это просто коряга, — успокаивала я. Истерические крики главного мачо деревни начинали меня смешить, и я заволновалась, что мой смех будет неуместным.

– И зачем я только с вами пошла? Куда мы идем? Давайте уже обратно, – простонала Олеся.

– Лучше выйти на опушку, там будет светлее, в такой темноте мы вряд ли найдем покосившийся штакетник, через который мы пролезли, а ворота закрыты снаружи, – напомнила я.

Вдруг Дрончик взял меня за руку, и заботливо потянул за собой, мизинцем ласково погладил пальцы. Сердце мое наполнилось трепетом от этой внезапной близости. Он явно старался меня утешить.

Мы стали пробираться через могилы, никак не находя протоптанной тропы. Высокие деревья скрипели от ветра, бледный свет луны не проникал сквозь густые кроны, старые кресты и надгробные памятники в непроглядном мраке наблюдали за нами с мертвым безразличием. Ночные птицы, скрытые листвой, перешептывались и сверкали желтыми глазами. Папа говорил: «Бояться надо не покойников, мертвые не причинять тебе зла. Бояться надо живых!» Он показывал мне несколько приёмов самообороны, потому что Казань девяностых не самое безопасное место на планете.

Наконец, мы вышли на опушку, и яркое звёздное небо осветило нам выход из царства призраков.

– Стойте, там кто-то есть! – прошептала я не своим голосом.

За забором скользнула чья-то сгорбленная тень. Выросшая на ужасиках обманьяках-Чикатилах, я на мгновение остолбенела от парализующего ужаса.

– Мучи, эсё-и ку? Дед, это ты? – крикнул Сашка на двух языках, а то вдруг дед после смерти забыл чувашский.

Тень юркнула в кусты.

– Бежим! – скомандовала я, и все бросились бежать, как будто только и ждали моего приказа. Андрей не отпускал мою руку, и ощущение его мягкой теплой ладони окрыляло. Добежав до деревянного ограждения, Саша перекинул маленькую хрупкую Олеся на ту сторону и лихо перепрыгнул следом. Хоть чему-то их в армии научили, хотя без

навыка перепрыгивая через заборы яблок из чужих огородов не поворуешь, это все-таки деревенские умения.

– Я сама, – зачем-то сказала я, Андрей и не собирался меня поднимать.

Оказавшись по ту, сторону забора, мы все облегченно выдохнули, словно мертвым никак не пересечь эту границу, да и Чикатило нас теперь не догонит.

– Как вам ночка? Скучно? – Спросила я, когда мы притихшие вернулись на лавку.

– Ну вас. Я домой, – проворчала Олеся, явно пожалела, что связалась со мной. Я ещё раз оценила, как мне повезло с подругами, и как я их сильно люблю. Лена и Даша всегда поддерживали все мои тупейшие идеи, и почти не упрекали, если я их втягивала в неприятности.

– Я тебя провожу, – констатируя факт, а не спрашивая, сказал Александр.

– Дед с вами? – и мы с Андреем захохотали.

Небо затянулось черными тучами, мрак настолько сгустился, что с трудом можно было разглядеть перед собой вытянутую руку. Заморосил теплый летний дождь, и мы мгновенно промокли насквозь. Я задрожала.

– Иди, согрею, – с дружеским непосредственностью предложил Андрей.

– Не надо, я уже домой, – и широко шагами я направилась к дому.

Перед оврагом у соседского дровяника Дрончик обнял меня, укутав теплом молодого тела, меня перестало колотить от холода, кипятки растекся из груди в области живота, напряженные мышцы обмякли.

– Спасибо, за классный вечер! – Сказал он и вдруг... Я провалилась в пуховую перину чувственных губ, и при свете молнии увидела, как же Андрей похож на Маяковского...

С громом прореха в туче порвалась до конца, и с неба вместе щедрым ливнем полилась поэзия...

Владимир Маяковский

Лиличка!

Вместо письма

Дым табачный воздух выел.

Комната —

глава в крученыховском аде.

Вспомни —

за этим окном

впервые

руки твои, исступленный, гладил.

Сегодня сидишь вот,

сердце в железе.

День еще —

выгонишь,

может быть, изругав.

В мутной передней долго не влезет

сломанная дрожью рука в рукав.

Выбегу,

тело в улицу брошу я.
Дикий,
обезумлюсь,
отчаяньем иссечась.
Не надо этого,
дорогая,
хорошая,
дай простимся сейчас.
Все равно
любовь моя —
тяжкая гиря ведь —
висит на тебе,
куда ни бежала б.
Дай в последнем крике вырветь
горечь обиженных жалоб.
Если быка трудом уморят —
он уйдет,
разляжется в холодных водах.
Кроме любви твоей,
мне
нету моря,
а у любви твоей и плачем не вымолишь отдых.
Захочет покоя уставший слон —
царственный ляжет в опожаренном песке.
Кроме любви твоей,
мне
нету солнца,
а я и не знаю, где ты и с кем.
Если б так поэта измучила,
он
любимую на деньги б и славу выменял,
а мне
ни один не радостен звон,
кроме звона твоего любимого имени.
И в пролет не брошусь,
и не выпью яда,
и курок не смогу над виском нажать.
Надо мною,
кроме твоего взгляда,
не властно лезвие ни одного ножа.
Завтра забудешь,
что тебя короновал,
что душу цветущую любовью выжег,
и суетных дней взметенный карнавал

*растреплет страницы моих книжек...
Слов моих сухие листья ли
заставят остановиться,
жадно дыша?
Дай хоть
последней нежностью выстелить
твой уходящий шаг.*

1916 г.

Среда

Вчера я вернулась позже, но о том, чтобы выспаться даже после сенокоса не было и речи. У бабы Юли сломался телевизор, а надо сказать, что только у Дашиных бабушки и дедушки был цветной, который ловит аж два канала, может быть ещё у бывшего председателя. У остальных черно-белые телевизоры с первым каналом. У родителей моего отца была трепетная традиция смотреть сериалы. Именно с ними юная я начала смотреть «рабыню Изаиру», «Дикую Розу», «Просто Марию» терпение и любовь к мыльным операм закончилась с «Секретом Тропиканки». Но для бабушки и дедушки каждый будний день после 18:00 часового выпуска новостей непоколебимым ритуалом было принести табуретки из кухни, сесть перед телевизором, прибавить громкость на максимум и окунуться в хитросплетение судеб далеких латиноамериканских миров. В этом году ОРТ транслирует сериал «Девушка по имени судьба», я не была в курсе сюжета, даже имен главных героев вам не назову. Баба Юля пропустила вчерашнюю серию и пришла посмотреть утренний повтор.

– Милагрос, я люблю тебя! – орал телевизор.

Я встала, здороваться было не обязательно, хоть и физически старики находились со мной в одной комнате, всей душой и мыслями они в девятнадцатом веке с героями мелодрамы. Зачерпнула холодной воды из ведра, наполнила рукомойник, почистила зубы, умылась, вода стекала по крохотной пластиковой раковине в помойное ведро, которое в холодные ночи домочадцы могли помочиться. Не стала тратить время на завтрак, вдруг еще у Даши чем угостят, помчалась босиком к подруге, рассказать о событиях прошлой ночи.

Пройдя по влажным доскам крыльца, я зашла в дом, полы были помыты и еще не высохли. Скользя на мокрых половицах, я добралась до уголка подруги, её там не обнаружила. Лишь выбегая из дома, я столкнулась нос к носу с Дашей, она несла в руках пустое ведро и тряпку. Посмотрев на мои грязные пятки и следы на только что вымытом полу, её лицо побагровело от праведного гнева. Да, видимо приметы не врут. Баба с пустым ведром навстречу сулит неприятности. Мне похоже от этой самой бабы с ведром и влетит.

– И за что мне только такая подруга досталась? – закричала Даша, кружа за мной по двору, распугивая переполошенных кудахчущих кур, замахнувшись на меня грязной тряпкой.

Наконец, тряпка пролетела мимо носа в паре сантиметров, и я бросилась на безоружную подружку. Заключив неумолимую противницу грязи в объятия, я целовала её щеки, виски, уши, волосы, что попадётся, пока она, сопротивляясь, вертела головой, отбиваясь от моей ласки.

– Прости, Дашуля! Я все вытру за собой. И чего ты моешь пол, не суббота же?

– Потому что, только свиньи любят в грязи жить. А люди моют пол, когда он грязный, а не раз в неделю. Вас, что в городе не учат ноги мыть?

– В городе мы босиком не ходим! А когда бегаешь босой ощущаешь себя по-настоящему свободной! Прости, прости, мне не терпелось тебе рассказать...

– Что вы вчера ночью на кладбище ходили!?

– ...

У меня челюсть отвисла от удивления. Откуда Даша уже знает об этом?

– Тебе Олеся рассказала? Или ты агент ФСБ?

– Нет! Сосед, мелкий Димка Яковлев рассказал, он вчера вас видел.

– Ах, вот кто за нами следил! Чикатило юный.

– Ты мне лучше скажи, зачем с Дрончиком тусуешься? Что все отбросы за Ленкой собираешь.

– У них с Ленкой ничего не было, пару раз проводил. И почему отбросы то?

– Не приходи потом ко мне плакаться! Сто раз вам дурехам говорила, что Макаровы ни одну юбку не пропускают.

– С чего ты вообще взяла, что мы «тусуемся»? Мы просто друзья, – защищалась я.

– Тетя Нина, жена председателя, дом у них напротив клуба, вас видела. А с утра к ней в магазин народ повалил, всем рассказала.

– Вот значит, кто глава деревенских СМИ. А что она не спит что ли? В окошко всю ночь пялится?

– Не знаю, я! Некогда мне с тобой разговаривать, полы надо второй раз мыть!

– Давай, я помою!

– Спасибо, известно, как ты моешь, я сама как-нибудь. Корову идешь сегодня встречать? — я знала, что уже прощена, Даша только с виду строгая, в душе она одуванчик, пушистая и теплая.

– Да, Лизкина очередь вчера была.

– Я за тобой зайду.

– Хорошо!

– О! Тамара! Здравствуй, товарищ. — из сарая вышел Дашин дед — дядя Коля, приветливый старичок, в старом костюме, широкие штаны поддерживал тонкий кожаный пояс, на ногах галоши.

– Вот тебе задачка! — он выставил указательный палец вверх, —

Приходит председатель колхоза к завхозу и спрашивает:

— Что это у нас на полях-то растет?

И что завхоз ответил?

— Рожь? Пшеница? Кукуруза? Ничего не растёт? — гадала я, а дядя Коля всё шире расплывался в улыбке, предвкушая свой искрометный ответ.

— А завхоз ему ответил: «*Чем удобряли, то и выросло.*» — Дашин дедушка рассмеялся, и мне ничего не оставалось, как рассмеяться в ответ.

— Как дед твой поживает?

— Хорошо! Спасибо.

— Шурка, — шепотом начал дядя Коля (Шурка — с ударением на А, так назвали моего деда в деревне) — конюхом в молодости был. И все ребята холостые просили его помочь невесту украсть. Вон, в огороде видишь, Нюра с Петровной болтает. Так вот...

— Знаю, знаю, эту историю. Как дед Петровну с голым задом через всю деревню провез.

Дядя Коля, прикрыв рукой почти беззубый рот, засмеялся. Похоже, со времен похищения Петровны в Чув.Бурнаево ничего знаменательного не происходило! А её розовые ягодицы до сих пор будоражат умы очевидцев.

— Вот, Даша. Какие у тебя хорошие подружки! Повезло тебе!

— Угу, — буркнула Даша, набирая из шланга чистую воду в ведро.

— Ладно, мне пора! До вечера, Даш. — попрощалась я с подругой.

К Ленке заходить не стала, потому что на часах было около десяти утра. А она раньше часа дня не просыпалась. Хотя она бы выслушала меня с большим интересом, чем строгая Дашка.

Малыш

Группа «Руки вверх»

*У меня подружка Даша,
Мы с ней играем,
Я её люблю, я её люблю.
Я ещё люблю мороженое,
Я люблю слушать музыку,
Слушайте руки вверх!
Слушайте руки вверх!
Давай-давай.
Ля-ля-ля-ля-ля
Ля-ля-ля-ля-ля*

Пастушки

Анна Ахматова

Я научилась просто, мудро жить...

*Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.*

*Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я веселые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной.*

*Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь
Пушистый кот, мурлыкает умильней,
И яркий загорается огонь
На башенке озерной лесопильни.*

*Лишь изредка прорезывает тишь
Крик аиста, слетевшего на крышу.
И если в дверь мою ты постучишь,
Мне кажется, я даже не услышу.*

1912 г.

Стадо в деревне большое. Правда бабушка говорит, что маленькое, раньше и домов больше было, и в каждом дворе по две-четыре коровы держали. Наша очередь пасти выпадает где-то раз в полтора-два месяца. Кто-то нанимает пастухов за деньги или более устойчивую валюту девяностых — «пузырь» (бутылку водки, больше спрос на самогон, он хотя бы не палённый). От нашей семьи пасти коров ходит дед. Надевает пастушью кепку (у него их штук пять), сапоги, берет самодельный хлыст, сумку с едой и водой. Всего на стадо четыре пастуха, очередь идет по расположению домов. Так что дед обычно ходит со своим другом и соседом Лазарем.

А овец у нас четыре. За лето пасти приходится дважды.

— Баранов пасти легче, они полдня спят. А коровы весь день ходят, до пятнадцати километров пройти могут. Тяжело коров пасти. — учила бабушка.

Мы собрали еды, воды. Дедушка дал Лизке детский маленький хлыст. Я предвкушала удивительный день.

— Я пойду слева, ты справа иди, Лиза посередине, гоним их за реку на луга к лесу. — сказала бабушка.

— Бабуль, а в лес не убегут?

— Нет, они волков боятся. В лес не сунутся.

Впереди стада шли овцы и бараны, сзади отдельной компанией козы и в гордом одиночестве шествовал прыгучий козёл. Он лихо запрыгивал на крыши бань. Перепрыгивал заборы, я даже заволновалась, не удерет ли он от нас. Но бабушка успокоила: «Козёл будет за стадом идти! Они по одиночке не удирают.» У некоторых овец на шерсти были завязаны цветные ленты или кусочки ткани. Так хозяйева узнают своих. «А то иногда к тебе во двор и чужие зайти могут!» — объясняла бабушка.

Переpravившись по дороге через реку, стадо брело медленно, склонив головы, жуя траву. Я любовалась утренним небом, погода была чудесная, день обещал быть солнечным и жарким. Мы с Лизой гладили доверчивых барашек, их пушистая пожелтевшая шерсть уже

отросла, а местами в ней запутались репейники. Мы смеялись, придавливая их пушистые челки, скормили весь хлеб.

— Не кормите их хлебом, это даже не наши бараны! — сделала замечание бабушка.

Тогда я бросилась в поле нарвать им кукурузы.

— Кукуруза колхозная! Хватит баранам травы! — поворчала бабушка.

— Кооперативная! Нет больше колхозов! — поправила я.

— Оштрафуют! — заключила бабушка.

Когда стадо легло, кучкуясь в тени деревьев, овцы задремали, а козы стояли, жуя невидимую жвачку. Бабушка разлила из термоса чай с душицей и устроилась на траве, читая газету. Лиза попросилась домой, пообещав вернуться. Бабушка, конечно, отпустила.

Я лежала на пушистом мягком ковре густых трав и смотрела как неспешно ползли облака по нежно-голубому небу, изредка пролетал самолёт, оставляя расплывающийся белый след. Заблудившийся муравьишка пробежал по руке, щекотно. Сдула его на травинку. В теплом июльском воздухе повис сладкий запах цветущей липы. Я лежала ни о чем не тревожась, никуда не спешила, ощущая себя самым счастливым человеком на свете. «Бе-е-е!» — мой друг-баран проблеял мне в ухо, спросил, остался ли хлеб. Мне пришлось почесать его за ушком в утешение: «Весь наш хлеб сжевали твои сородичи.»

Когда солнце опустилось, мы неторопливо двинулись в обратный путь. Навстречу бежала Лизка, с пакетом засохших горбушек. Бабушка показала нам наших овец (она их знала в лицо, их всех троих зовут Манёк. Хотя справедливости ради, на Манёк откликались все овцы в стаде) и мы, обезумев от радости скормили все Лизкины запасы. Мягкими мохнатыми губами овечки щекотали ладони, теплым языком облизывали пальцы. Пришлось вытирать руки о траву. У самой деревни, перебираясь через ручей по тонкой доске, бараны толпились и толкались, как бараны. А одна овца упала у загустевшую грязь, другие пробежав по ней, придавив и затолкав её глубже. Мы с бабушкой стали тянуть овечку, но она оказалась тяжелой.

— Лиза, Тамара ведите стадо до деревни, там уже они сами по своим домам разбредутся.

Как только перевела стадо через овраг, и овцы уверенно побрели к хозяевам, я бросилась к бабушке. Она ещё возилась с застрявшей в грязи по колено овцой. Бабушка засунула руку по локоть и нащупала, что копыто нашей потерпевшей зацепилось за корягу.

— Сейчас я освобожу её ногу, и ты тяни, — скомандовала бабушка.

Я потянула, как смогла, овца, почувствовав, что хватка коряги ослабла, рванула и прыжком вылетела из глинистого болота.

— Пастушки, — засмеялась бабушка, глядя на нас перепачканных в грязи.

Розовые очки

Мы сидели с Дрончиком на лавке, он опять был хмельной, но мне не терпелось расставить все точки над и.

— Слушай, в деревне говорят, что мы встречаемся, — начала я.

— В деревне много чего говорят. А мы не встречаемся?

— Нет, ты мне просто друг.

— Ах, вон как. А ты мне не просто друг.

— А кто? — я растерялась, сжалась в комочек и начала нервно покусывать губы.

— Ты моя любовь номер два. — признался он.

— Номер два, — выдохнула я, было бы неловко разбивать сердце искренне влюблённого в меня человека.

— А кто же номер один?

— Яна, девушка из соседнего подъезда в Ульяновске.

— Из-за неё ты тут не просыхаешь? — полюбопытствовала я.

— Не совсем, — ухмыльнулся он.

— Знаешь, я с иглы слезаю, пью, потому что ломка сильная. Меня родители в деревню привезли, на детокс. В Яну я с первого взгляда влюбился, они в наш район прошлой осенью переехали. Представляешь, какая она красивая, рыжая, как лисица, глаза голубые, и смех переливистый, журчащий. Мы новый год вместе встречали с дворовой компанией, пацанчик один герыч принес. Мы в отказ сначала, а потом я узнал, что Яна уже пробовала. Как-то завязалось у нас с ней. Мы кололись и сексом занимались, это как американские горки. Только вот, после этих горок жизнь тусклая, пустая, даже если тебе семнадцать.

Я не могла поверить, про наркотики, конечно, я много слышала, но лично не знала ни одного наркомана. До этого дня?

— Любовь номер один у тебя наркотики, а номер два — алкоголь.

— Нет, я правда завязать хочу. Я в городе пробовал, но там сложнее, когда кости выкручивать начинает, а мозг отключается, только одна мысль тебя сжигает изнутри «где достать!», больше ни о чем думать не можешь, больше не хочешь ничего.

— А зачем же ты попробовал тогда?

— А делать то что? Меня с первого раз не зацепило. А после второго уже не хотелось останавливаться. Это были такие яркие ощущения, мы ведь небогато живём. Нищета, изо дня одно и тоже, родители всю жизнь пробатрачили, ничего не имеют. И мы рабами родились.

— Почему рабами? От рабов ничего не зависит, а мы всё изменить можем. Даже в деревне ведь не всегда такая разруха была. Папа говорил и бильярд в клубе был, кинотеатр, бар с молочными коктейлями.

Я так увлеклась, что не заметила, что Андрей смотрит на меня, как на чудо природы.

— Я очень поступить в лицей хочу, после него все поступают в университеты. Или в Питер уеду стану известной актрисой, разбогатею, приеду в Чув.Бурнаево библиотеку построю, бильярд, боулинг, дискотечный зал со светомузыкой. Чтобы молодёжь веселилась, а не пьянствовала по лавкам от скуки, — моё одухотворённое лицо светилось, я отчётливо представляла свои мечты и сияла от счастья.

Андрюха вдруг сел передо мной на колени, якобы поправил невидимые очки на моей переносице.

— Ого, ничего себе, какие толстые розовые стекла. Девочка, откуда ты такая тут взялась?

— В смысле? — растерялась я, не зная, что ответить.

— Вокруг болото, Тамар. Болото нищеты и пьянства, от зарплаты до зарплаты отплатить минимум, все работают как животные, а потом пьют, как животные. И детей рожают и растят в болоте без перспектив и даже шанса на красивую жизнь с библиотеками

и боулингом. Если подумать предки наши были крепостными, потом колхозы, государственное рабство, перестройка. Мои родители попытались в Ульяновске устроиться, на заводе работают. Только Ульяновск, Тольятти и даже твоя распрекрасная Казань — такое же болото. Где в каждом подъезде точка, на еду зарплаты не хватает. Ты барахтаешься, барахтаешься, а болото тебя крепче засасывает. Ты на море была?

Я покачала головой.

— Буду, обязательно увижу море, — мечтательно улыбнулась я. Разве можно не улыбаться, когда думаешь о море.

— Море такое недостижимое, а доза в каждом подъезде. «Билетик на море» для бедных.

— Ты за это мистическое море будщим своим платишь. Жизнью. Наркоманы долго не живут. Не обязательно далеко ехать, чтобы море увидеть, знаешь место, где Кама впадает в Волгу? Там берегов не видно, можно стоять и воображать себя на море. У тебя очень пессимистичный взгляд. Да, сейчас в нашей стране кризис, разруха, но именно сейчас она свободная! А свобода это в первую очередь — выбор. Твой выбор. Можно пробовать! Искать! Пытаться! Я уверена, у тебя есть возможность, ты просто её пока не видишь. Я совершенно случайно от одноклассницы про физ-мат лицей узнала, записалась на курсы. Там так интересно. Задачи интересные, учителя потрясающие, дети там такие же как мы, не мажоры, но которые хотят учиться. Другой мир.

— Томка, ты чудо! Пусть у тебя в жизни всё сложится. — от всей души пожелал мне друг.

— Ты в Бога веришь? — спросила я.

— Скорее нет, чем да.

Бабушка на яблочный спас в Колчурно собиралась причаститься, я решила, тоже с ней пойду и попрошу у Иисуса за Дрончика, чтобы ему хватило сил и стойкости справиться с наркотиками. Только в глубине души моей веры не хватало, ни в Бога, ни в бывших наркоманов.

— Ты меня не провожай, ладно. Я сама дойду.

— Ясно...

«Агата Кристи» «Давай вечером»

...

*Убей меня, убей себя,
Ты не изменишь ничего.
У этой сказки нет конца,
Ты не изменишь ничего.
Накрась ресницы губной помадой,
А губы — лаком для волос.
Ты будешь мёртвая принцесса
А я — твой верный пёс.*

*Давай вечером с тобой встретимся,
Будем опиум курить-рить-рить.
Давай вечером с тобой встретимся
По-китайски говорить.*

*Не прячь музыку — она опиум
Для никого, только для нас.
Давай вечером умрём весело,
Поиграем в декаданс*

Яблочный спас

Для причастия нужно три дня поститься. Нельзя есть мясо, рыбу, молоко, яйца и потреблять алкоголь. С последним вообще никаких проблем. Я не пью, местные даже перестали уговаривать. «А ты и трезвая, как пьяная. Всегда весёлая ходишь, пойдёшь разбери пила ты или нет!» Иногда я отшучиваюсь, не буду, закодировалась. Бабка из Чувашии заговорила, я теперь алкоголь не переношу. Уговорщики смеются и перестают настаивать. Дашка порой берёт рюмку, и незаметно выливает в траву. Ленка после той ночи, когда она познакомилась с любовью всей жизни — Сашкой Борисовым, пригубливает, но не перебирает. Да и Саша, как и обещал, оберегает её всячески. Девчонок я тоже уговаривала сходить в церковь. Даша никак не могла у них ещё сено не собрано, а Лена, удивительно, но согласилась. Так что на пару держали пост, ели огурцы и морковь с грядки, картошку и гречку.

К Богу у меня было неоднозначное отношение. Точно не как у всех. В церковь ходить я не любила. В церкви Бога не встретишь, там только грешники околачиваются, отмаливающие грехи, и ворчащие на меня, за то, что встала не туда, не так поклонилась, не так покрестилась, не так свечу держу, не так в Бога верю.

Крестили нас в девяностом году в самом красивом храме Казани, в Петро-Павловском соборе. Его построили по указу Екатерины Великой, когда та, посещала Казань. Церкви в девяностом официально ещё были запрещены, но на нижнем этаже «тайно» попы крестили детей и взрослых. Мама моя крестилась, когда ей было тридцать, и очень эмоционально рассказывала, как её обматерил священник, когда она, спутав, не назвала своё новое христианское имя. Мне было десять, и кое-что из своего крещения я запомнила. Крестных мне назначили заочно. А я сама оказалась крестной дочери маминой подруги — Ани, которая крестилась в тот же день, со мной и Лизой. Так я стала крещёной и крестной в один день в возрасте десяти лет.

С Богом я постоянно вела торги. «Бог, если ты есть, сегодня мама будет трезвой» — загадывала я! Порой сбывалось, иной раз — нет. Видимо мамина трезвость от Бога не зависит. Ведь Бог хоть и всемогущий, но с алкоголизмом справиться не может. «Господи, я буду держать пост, а ты уж помоги, чтобы моё желание исполнилось!» Пока однажды ночью, ко мне не явился Иисус. Мы с Лизкой спим на раскладном диване у окна детской двухкомнатной ленинградки. Я проснулась от яркого света, и в оконной раме стоял мужчина в белой простыне с нимбом.

— Ты кто? — спросила я.

— Я Иисус!
— А зачем нарядился так?
— Что ты сразу меня узнала, — голос Иисуса звучал с эхом, как у проповедников в храме, такой акустике в панельном доме не бывает.
— Логично. — кивнула я, — А зачем ко мне пришёл?
— Чтобы ты никогда не сомневалась, что я существую! И помнила, что я всегда рядом!

И в этот самый момент я проснулась от щедрой пощечины Лизы, даже искры из закрытых глаз полетели бенгальским огнём.

— Что орёшь? — разозлилась она, разбудила же.

Свет в комнате включился и в дверном проёме я увидела испуганных родителей.

— Что случилось? Кто так кричал? — вопрошала мама.

— Басом, как мужик какой-то, — добавил папа.

— Ой, это я. Извините, приснилось, что вор на балкон забрался! — соврала я.

Кто же поверит, что ко мне приходил Иисус, собственной персоной. Без того все вокруг говорят, что я странная.

Так что с тех, пор в существовании Иисуса я не сомневаюсь. Но не считала Бога хорошим отцом, ради популярности и распространения веры он отправил собственного сына на верную смерть. И попов я не люблю, религию с единым богом придумали в средние века, чтобы объединить регионы под единым монархом. А людей приучить к смирению и рабству. Моего Бога я представляю женщиной, Бог — мать природа, Бог — любовь! А люди — не рабы, мы — дети. А всё что придумали попы и монахи, это чтобы женщин унижить и за алтарь их не пускать, грешниц! Сексисты. Многие богомольцы считают, чем безукоризненнее они будут исполнять церковные правила, тем ближе они к Всевышнему. Я думаю, что творец ближе к Творцу. Художники, музыканты, писатели, поэты слышат и передают волю божью нам, людям. Я очень люблю поэзию, когда читаю стихи, это как молитва. Жаль, что у меня отвратительная память и не могу запомнить. Даже свои стихи часто забываю.

Да, я поэт...

Да, я поэт...

*Моя душа причудливым узором
Ложится в строчки буквами на белый лист.*

Да, я поэт...

*Нырнёшь в мои стихи,
Как на Крещение в прорубь,
И станешь что блаженный, помыслами чист...*

Да, я поэт...

*Пусть говорят, поэзия, как жанр, мертва...
Никто не совершит сердце-открытие обряд.*

Ведь я поэт...

*Пока пишу, я знаю, что жива!
И может быть, мои стихи*

А папа, как и положено истинному коммунисту — атеист. Ему может и сложнее, после смерти его не ждет рай, нужно успеть сделать многое в жизни, и грехов атеисту не искупить, поэтому дважды подумаешь, прежде чем сделать кому-то плохое.

Вера — это как кубик Рубика, который крутишь-крутишь, а он всё не сходиться, потому что стороны кубика нужно не по цветам собирать, там картинки-мозаики.

Всё-таки Иисус ко мне приходил, может услышит мою молитву, попрошу-ка я у него за Андрея. Я держала пост. В заветный день встала засветло, идти до Нижнего Колчурно чуть больше шести километров, необходимо успеть к утренней. Надела платок. Лиза осталась дома, у неё боязнь толпы — агорафобия, ей всегда становится плохо на рынке и в церкви, в переполненных автобусах. Она бледнеет и даже теряет сознание. Ополоумевшие бабки в прошлый раз заорали на службе, что в ребенка сатана вселился, и обрызгав святой водой, выгнали бабушку с Лизой из храма.

С тех пор, Лизка избегает походы в церкви, и правильно делает.

— Морозова, ты что в два часа ночи встала? Когда ты успела накраситься? Или ты не ложилась? — Спросила я, увидев Елену в полном макияже.

— Я только реснички подвела.

Бабушка шла широкими шагами по дамбе, мы семенили за ней, справа и слева до самого горизонта простирались золотые поля пшеницы, залюбовавшись августовским рассветом мы шли молча, наслаждаясь тишиной.

Когда показались первые дома Колчурно, мы разговорились. Лена рассказывала о Сашке (о ком ещё). Он уехал в Тольятти, устраиваться на работу, в январе ему восемнадцать, а значит, заберут в армию. Ленка ждать собирается. В следующие выходные он обещал приехать к ней в Димитровград, знакомиться с её родителями. Поэтому она уедет домой уже завтра с дядей Ваней.

— Вот и всё! Лето пролетело! Ты ещё не уехала, я уже скучаю. Нас с Лизкой в конце августа обычно забирают. Телеграмму я не получила, не поступила в лицей, наверное. Не хотят меня расстраивать.

— Ясно! Но у нас ещё один вечер. Погуляем! — Лена попыталась меня приободрить.

— Ты знала, что Дрон на героине сидел?

— Нет, с чего ты взяла?

— Он мне сказал.

— Ты руки смотрела, может наврал?

— Зачем ему врать?

— Не знаю. Но наркотики — это страшно. У нас сосед от передоза умер.

— Да, страшно.

— И потом, он водку хлещет все лето, а наркоманы не переносят алкоголь. — подметила Лена.

— Угу, а если он пытается с наркотиков «слезть»?

— Бывших наркоманов не бывает. Если он и правда с этой дрянью связался, дело худо!

До самой церкви мы шли молча, бабушка подгоняла нас жестами.

Мы доблестно отстояли службу, крестясь, я шептала: «Господи, прости юную душу Андрея. Дай ему сил и терпения справиться.» Никогда ещё я не молилась так исступленно и самозабвенно. Поп подзывал нас по очереди для исповеди перед причастием. Ленку он заставил умыться, ибо она не в ночной клуб пришла, а в храм божий. Только её водостойкий макияж и святой водой не смыть. А когда она всё же умылась, он её не узнал. И спросил: «Как звать тебя, дитя моё? Почему тебя на службе не было?»

Священнослужитель сидел на стуле, меня попросил положить голову на его колени и прижал парчовой мантией ухо. Кто знает, был ли у него встроенный уют, но ухо начало жечь.

— Ай, ухо жжет! — пискнула я.

— Это за грехи твои-и-и. Кайся, грешница! — пропел он.

— Я не грешница! — возмутилась я.

— Пьешь? Куришь? Врешь родителям?

— Не пью, не курю, не вру!

— Деньги у родителей воруеть?

— Нет! — я вспомнила, как после ссоры с отцом, он ждал от нас извинений, хотя сам был неправ, и не давал денег на карманные расходы, пока мы не придем с покаянием. Я из принципа не извинялась, и мне приходилось идти пешком полгорода, потому что денег на проезд не было. Потом я вспомнила, что Лизка сгребает мелочь, которую папа высыпает на полку, и часто дает мне половину. Но это не воровство, папа для нас эту мелочь и высыпает.

— С мальчиками гуляешь?

— Не ваше дело!

— Прощаю тебе, грехи твои. И Бог всё видит. Бог простит. Следующий! — пропел, давя смех, батюшка.

После службы, все выстроились в очередь за кровью и телом господним. Когда батюшка протянул мне ложку с «кровью Иисуса», я интуитивно отпрянула: «Эту же ложку кучу народу облизало!» Поп, узнав меня, недовольно проворчал: «Это серебряная ложка, омытая в святой воде, все микробы и бактерии погибают.» «Алкоголь тоже не буду!» — кивнула я на дешевый «Кагор». Батюшка сунул мне в нос тяжелый серебряный крест для поцелуя, я едва успела увернуться. Тем самым, без злого умысла, закрепила за собой дурную славу, подпортила бабушкин имидж. Она теперь справедливо считалась прародительницей внушек-сатанисток, не лучшая репутация для искренне верующего. Но для бабушки мы важнее, чем чье-то мнение и грязные слухи, покраснев от стыда, купив свечек, она вышла из храма и отправилась домой, не упрекнув меня ни единым словом. Ведь вера должна быть от сердца, а не по учению.

Днем я шаталась с подружками. А вечером застала бабушку за библией. Она надела очки, её губы бесшумно шевелились, повторяя молитвы. Я не хотела мешать, но она вдруг подняла глаза и сказала: «Сегодня из Самары Валерку привезли хоронить, Варвары Семеновны сын, никто из старух читать не пошел, потому что самоубийство! Грех большой. Если будешь отмаливать, на себя тяжкий грех возьмешь, после смерти в ад попадешь.» — вздохнула она. «Но не могла я Варвару бросить, хотелось мне её утешить в горе, я одна пошла, одна отчитала, отпустила ему грехи. Варваре легче. Валерка в рай, как мученик. А я не увижусь теперь с родителями!» — чуть не плача сказала она.

Я обняла её крепко-крепко, слезы потекли ручьем, на губах я ощутила их соленую горечь. «Бабуль, я за тебя буду молиться, а если Бог не простит, возьму если надо все твои и Валеркины грехи на себя! Пустят тебя в рай, ты у меня самая добрая бабушка на свете.»

Куда улетают бабушки?

*Куда улетают бабушки,
Закрыв навсегда глаза?
С подругами петь на лавочки,
Я слышу их голоса.*

*Куда улетают бабушки?
В бревенчатый дом - топить печь,
Чтоб внукам своим и правнукам
Оладушек вдоволь напечь.*

*Куда улетают бабушки?
На ромашковые луга,
Ветер качает там травушку,
И неспешно плывут облака.*

*Куда улетают бабушки?
В добрые грустные сны...
Вот когда с тобою состаримся
Эту тайну узнаем, и мы...*

Прощальный вечер

— Девчонки! Я ещё не уехала, прочь кислые мины! — командовала Ленка.
— Это всё любовь ваша! Сашка появился, ты уезжаешь раньше! — справедливо заметила Даша.

— Любовь — это самое прекрасное, — расплылась в улыбке Ленка.

Я взглянула на вафли-печения в виде сердечек, которые испекла и принесла на наш импровизированный пикник. Любовь! Когда же и я узнаю, что это такое? Мы развели небольшой костер у речки, разложили овощи, яблоки, вафли, в пластиковой бутылке я смешала фруктовый порошок с колодезной водой. Олеська прикурила от горящего полена, и аккуратно положила его обратно. Эта дымящая фея, совершив невозможное, раздобыла бутылку советского шампанского — непозволительная роскошь в наших краях, где уже третий месяц я не ела шоколада и не вытирала зад туалетной бумагой, хотя бы нижнекамского бумажного комбината. Хлопнув, крышка от шампанского улетела в чей-то огород. Пенистый напиток зашипел, я разлила по граненым стаканам, которые принесла из дома Ленка.

— Точно не будешь? — спросила Олеся, подмигивая.

— Точно! — отказалась я, и лентой пронесли картинку пьяных родителей. Я не понимала, как от одной рюмки «для веселья» человек доходит до состояния, когда перестает есть и, обездвижено валяясь на полу, со стекающей по лицу прозрачной пенистой блевотиной. Я боялась, что выпей хоть глоток, я стану, как они, зависимой, потеряю контроль над собой, действиями и словами буду обижать дорогих мне людей, а утром лишь улыбнусь, скажу: «Не помню! А значит, такого не было!» Я не буду читать нравоучений подругам, возможно, в их семьях нет такого примера. Значит, им не страшно! Мне очень страшно! Я боюсь потерять себя, контроль над своим разумом, свои мечты, свои стремления, своё прекрасное будущее.

— Когда я смотрю на звездное небо над Чув.Бурнаево, кажется, протяни руку и коснёшься звёзд. Космос так близок, словно мы на самом краю земли. Невероятно красивое небо.

— Это называется место силы. Тут рождались, жили и умирали наши предки, мы сейчас сидим на земле, пропитанной потом и кровью наших прапрабабушек и прапрадедов. Поэтому сердце зовет нас сюда снова и снова. — разъяснила Лена.

— Я-то думала, моё сердце зовет встретиться с вами — заметила я вслух.

— Уезжать всегда грустно, целая жизнь до следующего лета. Вы пишете мне чаще, — в глазах у Ленки блеснули крапинки слёз.

— Куда уж чаще? Пишу, как новости скопятся хоть на один тетрадный лист. Тут же в деревне жизнь неспешная, — оправдывалась Даша.

— Деревня и город, это как параллельные миры, когда я тут, все мои городские заботы улетучиваются, жизнь замирает, как в пространственно-временной вакууме. Время течет здесь по другим законам. — поделилась я.

— Время здесь исчисляется приездами и отъездами. События создают люди, а когда городские приезжают, ощущение, что столько всего произошло, хотя, по сути, ничего особенного и не случилось. — добавила Даша.

— Да. А вы замечали, родители здесь как будто молодеют? — мне показалось, мы вот-вот докопаемся до истины. Разгадаем тайну «места силы».

— Нет, — справедливо заметили Даша с Олеськой, и правда, их родители живут тут постоянно.

В теплые августовские вечера ощущается незримое присутствие осени, словно она притаилась в рожице и ждёт своего часа. Осень дожидается в аромате спелых яблок и запахе сухих листьев. Вода в Бурнайке за день не успевает прогреться на солнце, и дышит на берег прохладой. Даша подкинула в костер полено, искры взметнулись, как испуганные светлячки. Комары уже не докучали, в августе их заметно меньше, а дым убаюкивал теплом и уютом. Мы помолчали каждая о своём. Я сняла «копыта» — черный туфли на платформе, вытянула ноги к огню, погреться. Хорошо.

— Привидение! А-а-а! — запищала Ленка, глядя в сторону огородов.

— Хуже, — прошептала побледневшая Даша, — это моя...

— Ах, вы проститутки, пьёте! курите! Я вам сейчас задам!!! — баба Нюра бежала к нам в белой ночной сорочке, распущенные длинные волосы колыхались на ветру, как змеи Медузы Горгоны. С проворностью рыси старушка перескочила через забор, заросли репейника, и в миг оказалась на нашей поляке. Девчонки бросились в рассыпную, а я на

четвереньках иступлено искала в траве туфли. Блюстительница нравов пнула костёр, и горящие полена полетели мне на ноги.

— Ай! — взвизгнула я, вскочив на мягкую траву босиком.

Даша, с гордо поднятой головой, как Жанна Д'Арк, шла на плаху широкими шагами, вытягивая длинные худые ноги, за ней бежала в припрыжку маленькая, но рассерженная старуха — безжалостный палач. Мы смотрели на подругу, с болью и гордостью. Дома её сожгут в пламени ядрёной чувашской брани за еретичество, за глоток свободы (со вкусом советского шампанского), за права юных женщин! Держись, друг! Мы с тобой!

— Вот, и посидели, — Лена принесла мою правую туфлю, которую от пинка разъярённой фурии улетела к реке.

Вторую принесла Олеся, левая — прилетела ей в плечо.

— Может организуем Дашке побег, через окошко шмыг, и свобода. Что ещё за средние века! — предложила я.

— Хотите, чтобы её до старости в доме заточили? Вы уедете, а нам ещё тут жить! — справедливо заметила Олеся.

Мы потушили угли, собрали остатки пикника, посуду, еду, пустую бутылку из-под шампанского.

— Весёленькое прощание получилось! — подметила Лена.

— На всю жизнь запомним! — добавила я, и все согласились.

Около клуба, словно рой гигантских ночных пчёл-мутантов, гудела большая компания возбужденных молодых людей. По голосам я узнала Женьку Еликова, басок Оксанки Аляки (я не знаю, это её фамилия или прозвище), Таня Маркова, её соседка Оля, остальных в темноте сложно распознать. Они весело галдели, смеялись. Олеся пошла к ним, а у нас с Леной уже настроения не было, мы молча побрели по домам. Вдруг Олеся подбежала к нам и прошептала.

— Тамар, тебя Дрончик по всей деревне ищет.

— Ой, с меня на сегодня хватит, не говорите, что я домой ушла. Вдруг догонит.

— Хорошо, поняла, — Олеся заговорщицкий подмигнула и нырнула в толпу.

Заворачивая на заднюю улицу, мы с Ленкой (а может еще полдеревни) отчетливо слышали, громкий голос Женьки.

— Я никому не скажу, что Тамара домой ушла! А кому я должен не говорить?

Все засмеялись, но из клуба в нашу сторону кто-то побежал.

— Ну, вот! Опять объяснять Андрею, что мы расстались, да и не встречались вовсе, потому что он опять забыл, как я ему это говорила вчера. — пожаловалась я подруге.

— Тамара! — окликнула меня догоняющая тень, которая оказалась Олей Пыльчиковой, племянницей нашей почтальонши.

— Тамара, тебе телеграмма. Тетя Вера сказала, ты её все лето ждала, сообщение на поздравительном бланке получили перед самым закрытием, она попросила тебе передать в клубе.

Руки затряслись, я выхватила открытку, с наклеенной на ней бумагой. Печатными буквами был написан адрес, моё имя. В свете единственного деревенского фонаря с оранжевой лампой, держа заветную телеграмму на вытянутых дрожащих руках, я прочла: «Поступила! Поздравляем. мамаипапа.»

... Our memories, well, they can be inviting
But some are altogether mighty frightening
As we die, both you and I
With my head in my hands, I sit and cry.
... Don't speak, I know just what you're sayin'
So please stop explainin'
Don't tell me 'cause it hurts, no, no, no
Don't speak, I know what you're thinkin'
And I don't need your reasons
Don't tell me 'cause it hurts
... It's all ending
We gotta stop pretending
Who we are
... You and me
I can see us dyin'
Aren't we?

Don't Speak
Song by No Doubt

Все имена и события вымышлены, совпадения случайны.

(с) Тамара Гильфанова, 2023